

ПОСЛЕДНИЙ ПРЕЗИДЕНТ СМОТРИТ ТОЛЬКО НА КОРОЛЯ

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

Альберт Лашёв

Последний Президент смотрит только на Короля

<https://litres.ru/74268897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто признаёт президента Соединённых Штатов? Не «кто выбирает» — кто признаёт: чьим согласием держится власть человека без короны и помазания? Официальный ответ — «избиратель» — автор берёт как гипотезу и пятнадцать глав испытывает документами.

Почему должность родилась из невыплаченного долга; кто и по какому документу пропускает кандидатов к креслу; почему президент отвечает за денежную машину, которой не распоряжается ни дня. Конструкция проверена на десяти странах — всюду одна. Отдельная глава — живой тест: Трамп против машины, 2016–2026.

Финал — не пророчество, а прогноз с датами и условиями опровержения: цифровые деньги снимут с машины маску погоды, институт президентства сгорит, как громоотвод, — и из сарая истории шагнёт то, что там двести лет хранили смазанным. Название книги — не метафора.

Книга V цикла «Рождённые в матрице»; читается отдельно. Это не манифест и не теория заговора — это опись. Прочитавший перестаёт путать погоду с кнопкой.

Содержание

Глава 1	6
ПРЕДИСЛОВИЕ. ГИПОТЕЗА, КОТОРУЮ МЫ ИСПЫТЫВАЕМ	7
Что не сломалось	12
Жалованье	13
Человек со всеми деталями	15
Двадцать второе мая 1782 года	20
Второй голос: независимая выборка	30
Март 1783 года: чем кончилось	34
Тринадцатое мая 1783 года	36
Шейс: болезнь предъявляет себя снизу	46
Итог главы	48
Рим в этот момент	50
Показания Матрицы	55
Что стало с участниками	56
Перечень механизмов	59
Глава	61
Человек ниоткуда	64
Бумаги находят владельца	66
Одиннадцатое февраля 1790 года	68
Ужин и столица	74
Четвёртое июля 1791 года	77
Признание, проданное долями	80

Кто толкует признание	84
Тысяча семьсот девяносто второй: первый отзыв признания	85
Тысяча семьсот девяносто четвёртый: принуждение к признанию	86
Итог главы	89
Рим в этот момент	91
Показания Матрицы	95
Что стало с участниками	96
Перечень механизмов	98
Глава	100
Витербо, или как рождается решение	102
Закрытое собрание	105
А протокол?	109
Кого потом назовут отцами	110
Десятки ответов на один вопрос	114
Временное решение	121
Что опускают в урну	126
Признание без признающего	130
Чей инструмент?	134
Рим в этот момент	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Последний Президент смотрит только на Короля

Глава 1

ПРЕДИСЛОВИЕ. ГИПОТЕЗА, КОТОРУЮ МЫ ИСПЫТЫВАЕМ

Эта книга устроена как следствие, а не как проповедь. Поэтому она начинается не с того, что мы хотим доказать, а с того, что будем испытывать. В строгой науке это называется нулевой гипотезой: утверждение, которое исследователь честно старается опровергнуть, и пока оно держится, оно остаётся в силе. Не наоборот. Исследователь не собирает подтверждения любимой мысли — он даёт противнику лучшую позицию и пытается опровергнуть именно её.

Мы берём такую.

Гипотеза: президент самодостаточен. Его законность восходит из воли избирателя — снизу вверх, изнутри страны. Внешняя инстанция, которая «признаёт» президента, не существует и не нужна: республика упразднила её вместе с короной. Уберите любой обряд, любую традицию, любое негласное одобрение — президент останется президентом.

Это не соломенное чучело, поставленное для лёгкой победы. Это официальная доктрина страны, записанная в первых трёх словах её Конституции: *We the People* — «Мы, народ». Власть — из народа, законность — из урны для голосования, и над избранным нет никого, кроме закона, который тот же народ и принял. Четыре предыдущие книги этого

цикла показали: за королём стоял тот, кто его помазывал, а за помазывающим — тот, кто держал условия. Америка утверждает, что разорвала эту цепь в 1787 году. Если она права — цикл заканчивается здесь, и эта книга обязана честно это признать.

Принять эту гипотезу всерьёз — значит всю книгу искать ей подтверждение. Поэтому мы пройдем по самым сильным кандидатам на самодостаточность, каких знает эта должность: по основателю, которому предлагали иную форму власти и который отказался; по генералу, приведённому в должность всенародной любовью; по человеку, переучредившему само основание страны; по человеку, преодолевшему ограничение по числу сроков; по человеку, вошедшему в должность вне всякой карьерной лестницы. Если хоть один из них окажется президентом только из воли избирателя — устойчиво, без внешних опор, — гипотеза подтверждена, и спор окончен в её пользу.

И сразу, по правилам честной игры, — чем она побеждает. Она подтвердится, если законность президента ни в одной точке не будет опираться ни на обряд, которого не требует закон; ни на отбор, которого не содержит закон; ни на признание инстанции, которой по закону не существует; ни на преемство, которого республика не знает. Найдётся такой президент — книга опровергнута. Мы искали честно. Чем кончился поиск — в «Вердикте», когда читатель пройдёт все улики и сможет судить сам.

Правила испытаний прежние, и я объявляю их заранее, чтобы меня можно было поймать за руку. Каждый факт — из первоисточника, и у каждого утверждения назван род улики, на котором оно стоит. Таких родов три, и я называю их по именам, без значков и сокращений.

Документ — есть бумага: письмо, протокол, закон, устав, дата. Она названа в тексте, её можно взять и проверить.

Реконструкция — связи, которой в бумагах нет, я её выстроил сам из документов, и она требует шага мысли. Шаг делаю при читателе, а не за его спиной.

Косвенное свидетельство — бумаги нет, есть чужой рассказ, слух или улика со стороны. Я её привожу, потому что скрывать улику нечестно, — но не строю на ней ничего.

Слабости своих доказательств я называю раньше критиков — сам, в тексте, не мелким шрифтом.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВОСЕМЬ ЛЕТ БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

В четырёх предыдущих книгах этому следствию не хватало одного — контрольного опыта. Так в медицине проверяют лекарство: одной группе дают препарат, другой — пустышку, и смотрят на разницу. С властью такой опыт поставить нельзя. Нельзя убрать помазание и посмотреть, что станет с королём; нельзя отменить конклав и проверить, чем держался папский престол. Устройство приходилось восстанавливать по следам его работы — и ставить реконструкцию там,

где хотелось поставить документ.

Здесь история поставила опыт сама. Она выключила устройство на восемь лет.

С первого марта 1781 года по тридцатое апреля 1789-го на этой земле существовало государство без президента. И скажем с порога точно, чего в этой фразе нет, потому что именно здесь книгу будут ловить: исполнительную власть конструкция пробовала — ниже мы покажем её в лицо, по имени. Чего она не имела ни одного дня — так это сбора. Опыт истории оттого только чище: он двухступенчатый — сначала годы вовсе без правителя, затем исполнитель с полномочиями, банком и бумагой, но без права взять.

Объясню, как такое возможно, потому что школьный учебник эту страницу проскакивает. Тринадцать британских колоний, восставшие в 1775 году и объявившие независимость в 1776-м, должны были как-то управляться сообща. Их первой общей конституцией стали Статьи Конфедерации — договор тринадцати штатов, написанный в 1777 году и вступивший в силу первого марта 1781-го, когда его ратифицировал последний штат. По этому договору существовал один-единственный общий орган — Конгресс, собрание делегатов от штатов. Ни президента. Ни короля. Ни правительства в нашем смысле слова. Ни общих судов. Должность «президент Конгресса» существовала, но это был председатель заседаний, а не глава государства: он вёл прения и подписывал бумаги, которые решил Конгресс. Исполнять реше-

ния было некому — так было задумано в 1777-м. В 1781-м, едва договор вступил в силу, Конгресс сам увидел эту пустоту и завёл себе исполнительные департаменты: иностранных дел, военный и — первым по важности — финансовый. Что из этого вышло, покажет отдельный разбор ниже, и он-то и есть контрольный опыт этой главы.

Тринадцать штатов, война против Британии — первой военной и торговой державы мира, — и пустое место там, где во всех предыдущих книгах этого цикла сидел правитель. Восемь лет. Полный цикл, с началом, серединой и развязкой. Для следствия это подарок, какого не давала ни одна монархия: можно увидеть, что именно ломается, когда главы государства нет, — и что не чинится, когда исполнителя наконец дают. Ответ на этот вопрос — и есть настоящее назначение должности, которую учредят в 1787-м. Не то назначение, которое записано в учебнике.

Что не сломалось

Сначала — чего не произошло. Метод четырёх книг: прежде чем смотреть, что есть, честно перечислить, чего нет.

Не рассыпалось единство: штаты не разбежались, хотя каждый имел свою валюту, свои таможи и свои интересы, — и войну довели до победы. Не иссяк патриотизм: люди воевали и умирали восемь лет без всякого главы государства, которому присягают. Не остановилось законотворчество: Конгресс заседал, принимал акты, и среди них — Северо-Западный ордонанс 1787 года, определивший, как из диких земель делаются новые штаты: документ, переживший саму Конфедерацию. Не исчезла дипломатия: союз с Францией работал, в 1783 году в Париже подписан мир, по которому Британия признала независимость. Не пропала армия — она стояла в лагерях.

Всё, что принято объяснять как функцию главы государства — единство, воля, символ, представительство, — прожило восемь лет без него и не заметило потери.

Документ: даты и акты.

Значит, ничто из перечисленного не есть причина, по которой должность появилась. Сломалось строго одно.

Жалованье

Конгресс Конфедерации мог просить. Не мог взять.

Механика записана в самих Статьях, и она проста до предела. Права вводить налоги у Конгресса не было — налог оставался делом каждого штата. Когда общей казне требовались деньги — а войне они требуются всегда, — Конгресс выставлял штатам так называемую реквизицию: разнарядку, кому сколько внести. Слово звучит грозно, но за ним не стояло ничего. Штат мог заплатить. Мог заплатить часть. Мог не заплатить вовсе — и большинство платило часть или не платило. Принуждения не существовало, потому что не существовало права взять: налог оставался делом штата, и никакая общая должность этого не меняла. Исполнитель у конструкции появится — мы сейчас увидим его в работе; права взять не появится до 1789 года.

Документ: Статьи Конфедерации.

Первой это узнала армия — Континентальная армия, регулярное войско, созданное Конгрессом в 1775 году и отданное под команду виргинского плантатора и полковника колониальной милиции Джорджа Вашингтона. К началу 1780-х это войско стояло лагерями вдоль реки Гудзон, к северу от занятого британцами Нью-Йорка, и ждало жалованья — задержанного на месяцы, а у иных на годы. Не потому, что страна была разорена сильнее прочих воюющих стран. А

потому, что собрать деньги было некому: Конгресс просил, штаты недоплачивали, офицеры ждали.

Документ.

Человек со всеми деталями

Здесь следствие обязано остановиться и предъявить фигуру, без которой опыт этой главы был бы поставлен нечисто, — и которую популярные пересказы восьми лет пропускают так же дружно, как школьный учебник пропускает сами восемь лет.

Роберт Моррис. Ливерпулец, привезённый в колонии мальчиком; совладелец крупнейшего торгового дома Филадельфии; к началу войны — едва ли не богатейший купец континента. Его подпись стоит под Декларацией независимости, под Статьями Конфедерации и под Конституцией — таких людей двое на всю историю страны. В войну он финансировал республику буквально из собственного кармана: под кампанию 1781 года, кончившуюся Йорктауном, деньги собирались в том числе под его личные обязательства.

И вот в 1781 году Конгресс отдаёт новоучреждённый финансовый департамент ему, и должность называется без обиняков: суперинтендант финансов — единоличный распорядитель казны, с правом вести расходы, заключать контракты, распоряжаться долгом. Не комитет, не коллегия — один человек с подписью.

Теперь смотрите, что у этого человека было. Переберём по частям, деталь к детали, — потому что все эти детали читатель встретит во второй главе, собранными.

Исполнитель — есть: полномочия реальные, рука одна. Банк — есть: в декабре 1781-го Конгресс даёт устав Банку Северной Америки, и в январе банк открывается — первый национальный банк страны, за десять лет до гамильтоновского; Гамильтон будет строить свой, глядя на этот. Бумага — есть: Моррис выпускает ноты под собственную подпись — «ноты Морриса», — и они ходят лучше казённых обязательств, потому что купцу Моррису страна верит больше, чем своему Конгрессу. Даже налог — есть в проекте: Моррис вносит пятипроцентный ввозный сбор, импост, — первый общий налог в истории конструкции.

Все детали на месте. К 1782 году у Соединённых Штатов есть министр финансов, национальный банк, ходящая бумага и проект налога.

Здесь впервые в этой книге понадобится слово, которым мы будем называть её главный предмет, — и определим его сразу, чтобы дальше идти без тумана. Механизмом признания в этом цикле зовётся то, чем власть держится и признаётся: то, из-за чего человека слушаются. В четырёх прежних книгах таким механизмом была сама власть — помазание, престол, кровь: короля слушались, потому что он помазан. Предмет этой книги — механизм другой породы: деньги. Не монеты в сундуке, а работающее устройство из трёх частей: обещание заплатить, которому верят; взыскание, которым обещание обеспечено; и платёж, который приходит в срок. У кого такое устройство работает, того слушаются

деньгами, а не присягой, — и мы увидим, что деньгами слушаются надёжнее.

Моррису предстояло собрать именно его.

И механизма не возникает.

Импост убивает один штат. Для общего налога Статьи требуют единогласия тринадцати — и Род-Айленд, самый маленький и самый торговый, говорит «нет»; читатель ещё услышит этот штат: через полгода именно оттуда Варнум напишет Вашингтону, что «во власти любого отдельного штата расстроить намерение всех остальных», — он будет писать о собственном доме. Реквизиции как не платились, так и не платятся. Армия как ждала жалованья, так и ждёт — при том что казначей второй год сидит у казны: письмо Николы, которое мы прочтём через страницу, написано в мае 1782-го, при работающем суперинтенданте, и причиной беды называется «планы экономии в легислатурах некоторых штатов и у публичных министров». И заметим — дальше идёт уже реконструкция: министр у казны в те месяцы один, и мы его только что видели. В 1784-м Моррис уходит, не собрав ничего. Ноты его гаснут — вместе с подписью, на которой держались.

Вот теперь — разбор, ради которого фигура предъявлена. Почему детали не сложились?

Смотрите, чем ноты Морриса отличались от бумаги, которую соберёт вторая глава.

У них был автор. Ценность ноты была ценностью подписи

одного смертного человека: его состояния, его кредита, его жизни. Такая бумага не переживает подписавшего — и не должна: она гаснет с его банкротством, болезнью, отставкой.

Под ними не было сбора. Обещание не было подведено под налог: за нотой стоял карман купца, а не взыскание, — вексель без взыскателя.

И держатели не были сцеплены с делом. Никто из взявших ноту не становился совладельцем ничего; никому не было выгодно, чтобы бумага жила, — её хотели успеть предъявить.

Отсюда вывод, и он для всей книги: механизм — не набор частей. Механизм — сборка. Исполнитель, банк, бумага и проект налога, лежащие рядом, механизма не образуют — как не образуют часов лежащие рядом шестерни.

В 1791 году Гамильтон соберёт устройство из тех же самых деталей, не изобретая ни одной, — и оно заработает, потому что он произведёт три операции, которых не мог произвести Моррис: удалит автора — подпись казны встанет вместо подписи купца, и бумага перестанет быть смертной; подведёт сбор — акциз будет привязан к обслуживанию долга самим текстом закона; сцепит держателей — долг пойдёт в оплату долей банка, и каждый держатель станет заинтересован в жизни бумаги.

Разница между 1781-м и 1791-м — не в идеях и не в людях. Разница в том, что между ними встала конституция с правом налога: сбор. Без сбора детали остаются деталями; со сбором они собираются в механизм. Это и есть ответ кон-

трольного опыта, вторая его ступень: исполнителя дали — не помогло; дали сбор — заработало всё сразу.

И две отсылки вперёд, обе оплатим в срок. Первая — во вторую главу: читатель увидит сборку тех же деталей, операцию за операцией. Вторая — дальняя, в седьмую: функция, исполняемая лично, на смертном кредите частного человека, встретится нам ещё раз — в другом городе, в частной библиотеке, через сто двадцать шесть лет, — и кончится тем же: личную версию заменят уставной. Ряд открыт здесь. Моррис — первый.

И вот при всём этом — при казначее у казны, при банке и при ходящей бумаге — армия продолжала ждать жалованья. В этой точке происходит событие, которое официальная история рассказывает как анекдот о добродетели, а следствие обязано прочесть как показание о конструкции: люди, которым не заплатили, письменно указывают своему командующему на систему, в которой платят.

Двадцать второе мая 1782 года

Представлю автора письма, потому что от того, кто он, зависит вес показания.

Льюис Никола — полковник, на момент письма ему шестьдесят пять лет; ирландец французско-гугенотских корней, бывший офицер британской армии, переселившийся в Филадельфию, книготорговец и издатель, автор строевых наставлений, в войну — комендант Филадельфии и командир корпуса инвалидов: части, где раненые и увечные ветераны несли гарнизонную службу. Не юный честолюбец, не интриган из штаба — пожилой служака, всю жизнь имевший дело с самой небогатой частью армии: с теми, кто уже отдал здоровье и ждал обещанного. Письмо он пишет из Фишкилла — городка на восточном берегу Гудзона, где стоят армейские магазины и госпитали, — в штаб-квартиру Вашингтона в Ньюбурге, чуть выше по той же реке.

Разберём его подробно: этот документ работает сразу на три линии нашего следствия, и ни одной из них не заметили те, кто двести лет пересказывал его как анекдот о короне.

Документ: письмо Льюиса Николы Джорджу Вашингтону от двадцать второго мая 1782 года; подлинник в Библиотеке Конгресса.

Первое: письмо начинается с денег, и первое же слово в нём юридическое. «Ущерб, причинённый войскам в их де-

нежных правах, был и продолжает быть слишком очевидным, чтобы требовать подробного изложения...» Не «нам тяжело», не «мы бедствуем» — денежные права. Дальше он объясняет, что беда не сводится к военным обстоятельствам: она «часто вызвана планами экономии в legislatures некоторых штатов и у публичных министров, основанными на несправедливых и незаконных началах». И даёт прогноз, который сбудется буквально: когда услуги армии перестанут быть нужны, требований её удовлетворять не станут, и наградой за лучшие годы жизни тем, кто не может кормиться ручным трудом, будет нищенство; а те, кто «вынес зной и труды дня, будут забыты и заброшены теми, кто пожинает выгоды, не претерпев ни одной тягости».

Второе — ради чего стоило поднимать подлинник. В мае 1782 года Никола уже описывает скупку сертификатов: за восемь лет до голосования, о котором пойдёт речь во второй главе. Дословно: «Могут сказать, что обесценение возмещено; но как это было сделано? Обесцененными бумажными деньгами и сертификатами такого свойства, что они мало полезны первоначальным владельцам, чья нужда принудила их расстаться с этими обязательствами, отдав их спекулянтам за малую часть стоимости, — насколько я могу узнать, никогда не более десятой части, а часто и менее».

Вот цифра, которую во второй главе я назвать не мог, потому что она гуляет по литературе: не более одной десятой, а часто менее. Названа современником, командиром корпуса

инвалидов, в мае 1782 года, в частном письме главнокомандующему. Не памфлет и не пересказ — свидетельство человека, служившего с теми, кто продавал.

И третье, от чего у читателя второй главы должно перехватить дыхание. Никола не просто описывает скупку — он предлагает лекарство, и лекарство ровно то, которое через восемь лет внесёт Мэдисон и проиграет со счётом тридцать шесть против тринадцати: «Первоначальным владельцам проданных сертификатов — две трети означенной в них стоимости, третью же часть считать полученной при продаже сертификата».

Различить первоначального держателя и скупщика. Заплатить первому. Тысяча семьсот восемьдесят второй год.

Задержитесь на этой связке — она проходит через всю книгу. 1782: офицер предлагает различить держателей. 1790: то же предложение вносит отец Конституции и проигрывает голосованием. 1792: по свидетельству, дошедшему до Мэдисона в частном письме, наследственное общество офицеров той самой армии высказывается против того, чтобы различали. Три даты, три документа, один вопрос — и ответ система дала один раз и навсегда.

Теперь — само предложение о форме правления, и оно не то, чем его считают.

Никола не требует короны и не предлагает трона. Он сравнивает устройства. Республики нового времени, достойные внимания, — Венеция, Генуя, Голландия: они блистали, но

блеск был краток и как бы одна вспышка. Голландия,ладычица половины мировой торговли, не смогла защитить ни себя, ни свою торговлю и просила помощи у соседнего монарха. И вывод, который есть ядро письма: «Из этого не следует заключать, что я сторонник абсолютной монархии, — весьма далеко от того, я сознаю её недостатки. Единственный вывод, который я вывел бы из сравнения, тот, что энергия последней полезнее для существования нации, чем мудрость первой».

Вот подлинный довод, и он не о величии, а о работоспособности. Энергия против мудрости. Республика мудра — и не платит. Монархия несовершенна — и действует. Он повторит это в конце ещё резче: «Эта война должна была показать всем, а военным в особенности, слабость республик и то, каких усилий сумела достичь армия, находясь под надлежащей головой».

Прочтите это глазами всей нашей книги. Никола указывает не на человека и не на титул. Он указывает на связь между устройством власти и способностью платить — и предлагает сменить устройство ради платежа. Это и есть смена механизма признания, только предложенная в обратную сторону — и предложенная снизу, теми, кому не заплатили.

Америка 1782 года — двойная пустота: механизма власти нет (ни короны, ни помазания), механизма денег тоже нет (казна пуста, взыскать нечем). И люди, оставшиеся без платежа, предлагают вернуть власть, чтобы заработали день-

ги. Европейский путь: сначала государь, потом казна. Через пять лет Конвент в Филадельфии решит задачу противоположным способом: не возвращать власть, а строить прямо на деньгах.

Письмо Николы — единственная задокументированная развилка, где Америке предлагали пойти европейским путём. И отказ был письменный, немедленный и от того самого человека, под которого потом скроют должность.

И два места, мимо которых пройти нельзя.

О титуле — вот дословно то, что двести лет пересказывают как «предложил корону»: «Некоторые так связали понятия тирании и монархии, что им весьма трудно их разделить; посему, быть может, потребуется дать главе такого устройства, какое я предлагаю, некий титул, по видимости более умеренный, но если бы всё прочее было улажено, я полагаю, могли бы быть приведены сильные доводы в пользу допущения титула короля». Он предлагает сначала умеренное название, а титул короля — как возможный предмет позднейшего спора. Запомните этот ход: через семь лет, в 1789 году, Сенат всерьёз обсудит для главы государства титул «Его Высочество», а Палата отобьёт его в пользу голого слова «президент». Никола описал порядок действий за семь лет до того, как он сработал.

И второе, ради чего документ стоит отдельного разбора. Ссылаясь на Монтескьё — наследственное дворянство необходимо монархии и несовместимо с республикой, — Никола

пишет о смешанном правлении: «...некоторая степень дворянства может быть уместна в смешанном правлении, но ограниченная, положим, не наследственная». Человек, которого история назвала предложившим монархию, прямо оговорил: дворянство — не наследственное. Через год, в мае 1783-го, офицеры той же армии учредят общество с наследственным членством. Тот, кого объявили монархистом, наследственности не хотел. Её ввели те, кто остался республиканцами.

Ответ Вашингтона датирован тем же днём и отправлен из Ньюбурга. Без совещаний, без срока на размышление, без запроса в Конгресс. Приведём его почти целиком, потому что каждый его ход имеет значение.

«Со смешением великого удивления и изумления я со вниманием прочёл мысли, представленные вами на моё рассмотрение. Будьте уверены, сэр, ни одно происшествие за всю войну не доставило мне более мучительных ощущений, чем ваше известие о том, что подобные идеи существуют в армии, — и я обязан взирать на них с отвращением и порицать со строгостью. Ныне сообщение о них останется в моей собственной груди, если только дальнейшее движение дела не сделает огласку необходимой. Я решительно не в силах постичь, какая часть моего поведения могла дать поощрение обращению, которое кажется мне чреватым величайшими бедствиями, какие могут пасть на мою страну. Если я не обманываюсь в знании самого себя, вы не могли бы найти

человека, кому ваши замыслы были бы более неприятны. В то же время, отдавая должное собственным чувствам, я должен прибавить, что ни один человек не питает более искреннего желания видеть, что армии оказана полная справедливость, чем я, — и насколько простираются мои полномочия и влияние конституционным путём, они будут употреблены со всею моею способностью, чтобы этого достичь. Заклинаю вас поэтому, если у вас есть хоть какое-то попечение о вашей стране, забота о себе или потомстве или уважение ко мне, — изгнать эти мысли из вашего ума и никогда не сообщать ни от себя, ни от кого-либо иного помышления подобного рода».

Документ: ответ Джорджа Вашингтона Льюису Николе от двадцать второго мая 1782 года.

Три вещи в этом ответе, и все три работают на нашу линию.

Первое: он не спорит с претензией. Никола жалуется на невыплаченное жалованье — Вашингтон подтверждает: справедливость армии оказана быть должна, и он сам приложит к тому все силы. Претензия признана законной. Отвергнут не иск, а способ: возврат к власти как источнику платежа. И оговорка «конституционным путём» стоит там, где будет стоять вся дальнейшая американская история: требуйте — но по бумаге.

Второе: это приказ о молчании. Не «прошу вас», а заклинаю — и не только не повторять самому, но не передавать

подобного ни от кого другого. Замысел не опровергают. Замысел закрывают.

И третье — то, чего нет ни в одном пересказе этого сюжета, а оно важнее первых двух. Под письмом в бумагах Вашингтона стоит приписка, сделанная двумя его адъютантами: «Вышеизложенное есть точная копия письма, которое мы запечатали и отправили полковнику Николе по просьбе написавшего его». Д. Хамфрис, адъютант. Джонатан Трамбулл-младший, секретарь.

Вчитайтесь. Главнокомандующий, только что написавший гневный отказ, потребовал, чтобы двое свидетелей заверили: сохранённая копия — точная. В тот же час, по собственной просьбе. Человек, отвергавший предложение о монархии, в ту же минуту создавал доказательство. Он понимал, что когда-нибудь может понадобиться установить, что именно он написал в этот день, — и обеспечил себе документ с двумя подписями.

Отказ был не только немедленным. Он был засвидетельствованным. И это, пожалуй, лучшая характеристика человека, под которого через пять лет скроют должность: он молчал всё филадельфийское лето — но всякий раз, когда дело касалось его собственной репутации, оставлял бумагу с подписями.

Теперь — слабость этого места, и я называю её раньше любого критика, как делал во всех четырёх книгах. Фраза «Вашингтону предложили корону», кочующая по популяр-

ным пересказам, — в значительной мере поздняя легенда. Это установил историк Роберт Хаггард в специальном разборе «дела Николы», опубликованном в 2002 году в трудах Американского философского общества — старейшего учёного общества США, основанного ещё Франклином. У Николы не было никакой короны, чтобы её предлагать. Писал он от себя, а не от имени армии. И речь шла о монархии как форме устройства — с ограничениями, на манер британской, — а не о венце для конкретной головы.

«Предложение короны» — **косвенное свидетельство**. Письмо, дата и ответ — **документ**.

Но вот что важно: снятая позолота обнажает улику лучше легенды. Легенда — про добродетель одного человека: предложили трон — отказался. Она греет сердце и никуда не ведёт. Документ — про другое.

Прочтём письмо глазами его автора. Офицер, чью службу не оплатили, указывает не на человека — на устройство. Он знает систему, в которой жалованье платится, — он в ней родился и служил: британскую, монаршую, где содержание войска и присяга войска исходят из одного источника, от короны. Его письмо — не «дайте нам господина». Его письмо — про аналогию работающего устройства: вот порядок, при котором офицер получает содержание; вот наш, при котором не получает; разница — в конструкции; замените конструкцию.

Документ — текст письма. **Реконструкция** — его про-

чение.

Запрос снизу был запросом на копию известного платёжного устройства. Запомним эту формулу. Через пять лет на запрос ответят — но не копией.

Второй голос: независимая выборка

Чтобы диагноз не остался мнением одного пожилого полковника, история дала второго свидетеля — через месяц и от совсем другого человека.

Джеймс Митчелл Варнум — противоположность Николе почти во всём. Молод — тридцать три года; блестящий адвокат из Род-Айленда, самой маленькой и самой торговой из тринадцати колоний; бригадный генерал Континентальной армии, командовавший в том числе первым в её истории полком, куда набирали чернокожих солдат; делегат Конгресса, то есть человек, видевший конструкцию изнутри — из того самого зала, где выставляли реквизиции.

Двадцать третьего июня 1782 года Варнум пишет Вашингтону из Провиденса — и письмо это надо привести подробно, потому что оно доказывает независимость выборки лучше любых рассуждений. Начинает он с собственного штата, и без снисхождения: Род-Айленд деньги дал и рекрутов набрал, «но допустил, чтобы слава его была запятнана в делах финансовых». Дальше — диагноз конструкции: «Таково ужасное положение этой страны, что во власти любого отдельного штата расстроить намерение всех остальных! Бедствие это до такой степени укоренено в Статьях Конфедера-

ции и будет непрестанно возрастать, доколе эта беспочвенная постройка не уступит место какому-нибудь правлению, начала коего отвечали бы силе страстей».

А теперь — посылка, и она совсем не николовская: «Граждане в целом совершенно лишены той любви к равенству, которая безусловно необходима для поддержания демократической республики: алчность, зависть и роскошь правят их чувствами, — а следственно, лишь абсолютная монархия или военное государство могут спасти их от всех ужасов порабощения. Обращающаяся в стране наличность слишком ничтожна, чтобы налогом собрать доход на ведение войны, а слишком многие из народа упорно противятся тем искусственным вспоможениям, которые восполнили бы её недостачу».

Документ: письмо Джеймса Митчелла Варнума Джорджу Вашингтону от двадцать третьего июня 1782 года.

Сравните две посылки, и увидите, почему выборка независима. Никола идёт от армии: нам не платят, республика слаба энергией, нужна голова. Его довод — институциональный. Варнум об армии не говорит вовсе. Его довод — денежный и нравственный: наличности в обращении слишком мало, чтобы собрать налог; заменителей — бумаги, кредита, «искусственных вспоможений» — народ не принимает; а сами граждане испорчены алчностью, завистью и роскошью. Следовательно, форму правления надо менять.

Два человека, не сговариваясь, за месяц друг от друга,

приходят к одному выводу разными дорогами. Это и есть независимая выборка в строгом смысле: не повторение чужого довода, а самостоятельное прибытие в ту же точку.

И вот что в письме Варнума важнее всего для нашей книги. Он формулирует смену механизма признания прямее, чем кто-либо в этой главе: денег в стране мало, заменителей денег народ не принимает — следовательно, надо менять устройство власти. Не «власть нужна для величия». Власть нужна потому, что нечем платить.

Заметьте и то, о чём Варнум пишет с горечью в первых строках: «во власти любого отдельного штата расстроить намерение всех остальных». Он пишет это из Род-Айленда — из штата, который как раз в эти месяцы своим единственным голосом блокировал общий ввозный сбор, единственную попытку дать Конгрессу собственный доход. Человек описывает изъян, глядя на него из того самого штата, который этот изъян и создал.

Вашингтон ответил ему не в тот же день, а десятого июля, и ответил кратко: с выводами не согласен. Николе — гневная отповедь, приказ молчать и заверенная копия. Варнуму — вежливое несогласие.

Документ: ответ Вашингтона Варнуму от десятого июля 1782 года.

Разница в обращении сама по себе показание. Никола предлагал корону лично ему — это касалось его репутации, и он оставил бумагу с подписями. Варнум рассуждал об

устройстве вообще — и получил обычное письмо.

Четвёртая книга этого цикла ввела правило независимой выборки: когда одинаковый выбор совершают стороны, не связанные друг с другом — а лучше враждебные друг другу, — выбор перестаёт быть вкусом и становится свойством ситуации. Здесь оно работает в чистом виде. Старик и молодой. Ирландец-гугенот и род-айлендский адвокат. Комендант тыла и боевой генерал. Строевик и юрист, сидевший в Конгрессе. Порознь, в течение одного месяца, они ставят один диагноз — конструкция не платит — и называют одно лекарство: единоличную власть, какой они её знали.

Их не послушали. Через семь лет лекарство изготовили — но по другому рецепту.

Март 1783 года: чем кончилось

Развязка армейского сюжета известна, и она страшнее, чем её принято рассказывать.

К зиме 1782/83 года армия стоит в Ньюбурге уже без войны: боевые действия фактически кончились, идут мирные переговоры. Солдат скоро распустят — и офицеры понимают, что с роспуском исчезнет последнее средство давления: армия, которой должны, хотя бы стоит с оружием; разойдись по домам, она превратится в толпу просителей.

В марте по лагерю расходятся анонимные обращения — история назовёт их Ньюбургскими адресами: хватит просить, пора говорить с Конгрессом языком силы; армия, которую не слышат, может отказаться расходиться.

Пятнадцатого марта Вашингтон входит к собранию офицеров сам — его не ждали. Сцену помнят по жесту: прежде чем читать заготовленную речь, он достаёт очки, которых почти никто на нём не видел, и просит позволения их надеть — он не только поседел, но и почти ослеп на службе отечеству. По свидетельствам, зал дрогнул; заговор — если это был заговор — рассыпался без единого выстрела.

Документ — факт речи и собрания. **Реконструкция** — сила жеста. А происхождение самой сцены с очками подлежит той же проверке, что и «корона»: слишком хорошо сделана.

Следствие в этой сцене занимает не жест — исход. Мятежа не было. Денег тоже не было. Армию распустили, и претензии ушли в бумаги: Конгресс выдал офицерам и солдатам сертификаты — долговые обязательства казны, обещания заплатить потом, с процентами, когда деньги будут. Работу приняли — по работе выдали вексель.

Эти бумаги не исчезнут. У них появится владелец, и владельцем будет не солдат. Это сюжет второй главы.

Тринадцатое мая 1783 года

Через два месяца после несостоявшегося мятежа — и через год после письменной отвергнутой монархии — офицеры той же армии собираются в Маунт-Гулиане, штаб-квартире барона Штойбена на восточном берегу Гудзона, напротив Ньюбурга, и принимают документ, составленный месяцем раньше генералом Генри Ноксом. Документ этот называется Институтция — учредительный акт. Его переписывают на большом листе пергамента; комитет из трёх генералов — Хита, Штойбена и Нокса — везёт его главнокомандующему и просит «почтить Общество, поставив своё имя во главе его». Вашингтон подписывает первым. Ниже — тридцать пять подписей офицеров.

Документ: Институтция Общества Цинциннати, тринадцатое мая 1783 года; оригинал на пергаменте хранится в Андерсон-хаусе в Вашингтоне.

Теперь читаем сам акт — и читаем два соседних абзаца подряд, потому что противоречие лежит внутри документа, а не в наших рассуждениях.

Абзац об имени: «Офицеры американской армии, будучи взяты по большей части из граждан Америки, питают высокое почтение к характеру того славного римлянина, Луция Квинция Цинцинната, и, будучи решившись последовать его примеру, возвратясь к своему гражданству, полага-

ют, что могут с приличием именовать себя Обществом Цинциннати».

И абзац об устройстве: «...офицеры американской армии сим, наиторжественнейшим образом, соединяются, учреждают и сочетают себя в единое Общество Друзей — дабы длиться, доколе длятся они сами или кто-либо из их старшего мужского потомства, а за неимением такового — побочные ветви, кои будут сочтены достойными стать его опорой и членами».

Одна страница. В первом абзаце — мы возвращаемся к гражданству, как Цинциннат. Во втором — навечно, через старших сыновей, а если сыновей нет, то через боковые ветви. Возврат к плугу, длящийся вечно и передаваемый по мужской линии.

И три объявленные цели, из которых третья — обычная (сохранить приязнь офицеров), первая — высокая («сохранить неприкосновенными те возвышенные права и вольности человеческой природы, за которые они сражались и кровь проливали»), а вторая содержит слово, которого в республиканском документе 1783 года быть не должно: способствовать союзу национальной чести, «столь существенно необходимому для их счастья и для будущего достоинства Американской империи».

Империя. В учредительном акте офицерского общества, через два года после того, как эта самая армия победила империю.

И — деньги, с первого дня: вступающий вносит месячное жалованье в фонд помощи нуждающимся офицерам и их семьям. Общество рождается с собственным фондом.

Через океан оно расходится немедленно. Во Францию едет майор Пьер Ланфан — тот самый, кто через восемь лет начертит план города Вашингтона, — он везёт письма и учреждает французское отделение; копия Институтции оказывается у Лафайета, а от него — у графа Верженна, министра иностранных дел Франции. Первый наследственный орден новой республики за полгода обзаводится ветвью из титулованной европейской аристократии.

Теперь — свидетели. И это те свидетели, которых мы искать не собирались: люди высшего ранга, к делу непричастные и потому незаинтересованные.

Бенджамин Франклин, посол в Париже, — дочери, двадцать шестого января 1784 года. Он получил Институтцию только что, от Джона Пола Джонса, вместе с памфлетом судьи Бёрка. Пишет: «Мнение моё об этом учреждении не может иметь большого веса. Я лишь дивлюсь тому, что когда соединённая мудрость нашей нации в Статьях Конфедерации явила своё нерасположение к установлению рангов дворянства властью Конгресса или какого-либо отдельного штата, — некоторое число частных лиц сочло приличным отличить себя и своё потомство от сограждан и образовать орден наследственных рыцарей, в прямом противоречии торжественно объявленному смыслу их страны».

И дальше — довод, который стоит выписать целиком, потому что в нём вся будущая тринадцатая глава этой книги: «Но нисходящая почесть — к потомству, которое не могло иметь доли в её приобретении, — не только беспочвенна и нелепа, но и часто вредна самому этому потомству, ибо склонна делать его гордым, гнушающимся быть занятым в полезных искусствах, и оттого впадающим в бедность и во все низости, раболепство и убожество, ей сопутствующие, — что и составляет ныне положение изрядной части того, что в Европе зовётся знатью».

Документ: письмо Бенджамина Франклина Саре Бейч от двадцать шестого января 1784 года.

Второй свидетель — донесение, а не мнение. Лафайет пишет Вашингтону в марте 1784 года из Парижа: американцы там «неприлично неистовы против нашей ассоциации... Доктор Франклин сказал мало. Но Джей, Адамс и все прочие горячо винят армию». Джон Джей — будущий первый председатель Верховного суда. Джон Адамс — будущий второй президент. Оба в 1784 году, в Европе, публично осуждают Общество.

Документ: редакторский аппарат бумаг Франклина, там же.

Третий — Конгресс, и он высказался правкой, а не речью. В 1784 году, отвечая на предложение Общества, Конгресс постановил, что не может «согласно началам Конфедерации, принять их любезное предложение». А в проекте комитета

стояли ещё слова о том, что Конгресс «питает высокое чувство чести, оказанной ему» этим орденом, — и слова эти вычеркнули.

Документ: журналы Континентального конгресса, том двадцать шестой.

Законодательный орган страны вычеркнул из своего ответа даже вежливое упоминание о чести, оказанной ему офицерским обществом.

И теперь — главное. То, что общество могло себя поправить, и то, как именно оно этого не сделало.

Под этим давлением Вашингтон — генерал-президент Общества — составляет к общему собранию 1784 года собственный проект изменений. В работе над ним, по замечанию редакторов бумаг Джефферсона, различима рука самого Джефферсона. И вот что Вашингтон предписывает своему обществу дословно: «Вычеркнуть всякое слово, предложение и статью, имеющие политическую наклонность. Прекратить наследственную часть во всех её связях, безусловно, без всякой замены, которая могла бы быть истолкована как сокрытие или как одна лишь перемена почвы; ибо это, по моему мнению, скорее усилит, нежели утишит подозрения».

В записке шесть пунктов; здесь приведены первые два. Оборот «перемена почвы» — буквальный перевод английского *a change of ground only*: речь не о перемене места, а о подмене основания при сохранении существа дела.

Документ: записки Вашингтона к общему собранию

1784 года; редакторское примечание — письмо Джефферсона Вашингтону от шестнадцатого апреля 1784 года.

Вчитайтесь в эту формулу, потому что человек, её написавший, предвидел ровно то, что произойдёт. Он не просто требует убрать наследственность. Он запрещает заранее косметическую замену — всякую, «которая могла бы быть истолкована как сокрытие или как одна лишь перемена почвы». И объясняет почему: такая замена не успокоит подозрений, а усилит их.

Общее собрание 1784 года изменения приняло. Отделения в штатах их не ратифицировали. Наследственный принцип уцелел.

В девятнадцатом веке большинство отделений угасли; в двадцатом организация была возрождена — вместе с наследственным принципом. Общество существует по сей день: старейший наследственный орден Соединённых Штатов, штаб-квартира в Вашингтоне.

Вот первая строка сюжета, который пройдёт через всю книгу, и теперь она держится не на нашем прочтении, а на трёх документах и одном приказе, отданном и неисполненном. Первый генерал-президент общества письменно потребовал упразднить наследственность и заранее запретил прятать её под видом поправки. Его не послушали. Учёт крови не отменили — его вывели из-под света ровно тем способом, который он называл и запретил.

И три вещи, которые надо занести отдельно, потому что

они превращают Общество из курьёза в институт.

Первое: кого туда не пускали. Членство было открыто офицерам с патентом — и только им. Ополчение и нижние чины исключались. То есть в общество, учреждённое, чтобы, среди прочего, добиваться обещанного армии вознаграждения, не входили те самые рядовые, чьи сертификаты в эти же годы скупались за десятую часть. Солдат Общество в себя не взяло — а через семь лет его нью-йоркское отделение, по свидетельству, дошедшему до Мэдисона, выскажется против того, чтобы солдатам платили. Об этом — вторая глава.

Второе: регалия. Знак ордена — орла на голубой ленте с белой каймой, в цветах французского союза, с девизом *Omnia relinquit servare rempublicam*, «всё оставил, чтобы служить республике», — нарисовал майор Пьер Ланфан; первые экземпляры отлиты в Париже в начале 1784 года под его надзором, ибо только французские мастера, по его мнению, годились для такой работы. Тот же Ланфан через семь лет начертит план города Вашингтона. Один человек рисует эмблему наследственного общества и чертёж столицы республики.

А для генерал-президента офицеры французского флота во главе с адмиралом д'Эстеном заказали особый знак — Бриллиантового орла, украшенного почти двумя сотнями бриллиантов, изумрудов и рубинов. И вот что с ним стало. Вашингтон носил его как знак должности. Когда он умер в декабре 1799 года, Бриллиантовый орёл был среди его лич-

ных вещей в Маунт-Верноне; в 1800 году генерал-президентом избрали Александра Гамильтона — и вдова, Марта Вашингтон, отослала знак ему. Когда в 1804 году Гамильтона застрелили на дуэли, его вдова Элизабет отослала орла Чарльзу Котсуорту Пинкни, избранному в 1805-м, — в точности так же, как это сделала Марта Вашингтон. В 1811 году Пинкни передал знак самому Обществу. И так далее — по сей день: орла носит каждый новый генерал-президент как официальный знак должности.

Задержитесь. В республике, которая отменила титулы, ордена и наследственные отличия, существует непрерывная с 1784 года передача драгоценного знака власти от одного главы общества к другому — причём в двух первых случаях знак передавали вдовы умерших. Это единственный предмет, принадлежавший Вашингтону, который находится в непрерывном употреблении по своему первоначальному назначению. Короны у страны нет. Цепь преемства регалии — есть, и ей двести сорок лет.

Документ: справка Общества Цинциннати о генерал-президентах; собрание Общества, Андерсон-хаус; описания Института Американской революции и Музея Американской революции.

Третье — имя второго владельца этой регалии. Генерал-президентом после Вашингтона стал Александр Гамильтон. Тот самый: первый министр финансов, автор доклада о публичном кредите, строитель Банка Соединённых Штатов

— человек, вокруг которого будет вращаться вся вторая глава этой книги. Он был одним из членов-учредителей Общества и публично защищал его наследственный принцип от обвинений в недемократичности.

Сложите. Человек, построивший сбор и раздробивший признание на доли, возглавлял наследственное общество офицеров. И принял этот пост из рук вдовы своего предшественника вместе с осыпанным бриллиантами орлом.

А дальше по списку генерал-президентов: Чарльз Котсуорт Пинкни — дважды кандидат в президенты Соединённых Штатов; Томас Пинкни; Аарон Огден — губернатор Нью-Джерси; Морган Льюис — губернатор Нью-Йорка. Семеро членов-учредителей подряд, до 1847 года, когда умер последний ветеран Революции на этом посту.

Это уже не общество однополчан. Это кадровый центр республики, у которого есть деньги, знак, устав и наследственное преемство. А как через сто лет этот учёт разрастётся в отрасль, покажет глава тринадцатая. Здесь дадим только ряд дат, чтобы читатель держал его в уме с самого начала.

Тысяча восемьсот восемьдесят третий — Сыны Революции. Восемьдесят девятый — Сыны Американской Революции. Девяностый — Колониальные дамы Америки; Дочери Американской Революции; и — в республике, отменившей титулы, — Колониальный орден Короны. Девяносто первый — Национальное общество Колониальных дам. Девяносто второй — Дочери 1812 года. Девяносто третий — Общество

Колониальных войн. Девяносто четвёртый — Колониальный орден Жёлудя, Военный орден Иностранных войн и Дочери Цинциннати. Девяносто пятый — Дети Американской Революции, Общество женщин Новой Англии.

Шестнадцать наследственных реестров за двенадцать лет — и это лишь те, что пережили своё столетие.

Что происходило со страной в эти самые годы, читатель узнает из шестой главы: сделка 1877 года вывела войска с Юга, и к девяностым там строят обходные цензы — подушный налог и «проверку грамотности». Одновременно страна принимает крупнейшую в своей истории волну переселенцев. Итог, который мы предъявим цифрами в главе тринадцатой, а здесь только назовём: происхождение становится удостоверением ровно тогда, когда голос перестаёт им быть. Учёт крови, заведённый офицерами в 1783 году и укрытый от упразднения в 1784-м, через столетие выходит наружу отраслью — и выходит в то самое десятилетие, когда у одних отбирают подпись, а другие сходят с кораблей миллионами.

Здесь фиксируем точку рождения: тысяча семьсот восемьдесят третий. И запоминаем имя, потому что оно ещё дважды выйдет к нам само — в 1787 году, когда Конвент испугается, что народное избрание «бросит назначение в руки Цинциннати», и в 1790-м, когда его нью-йоркское отделение, по свидетельству современника, выскажется против выплат солдатам.

Шейс: болезнь предъявляет себя снизу

Оставалось проверить, была ли неспособность собрать бедой одного лишь Конгресса — или свойством всей конструкции, сверху донизу. История проверила и это.

Дэниел Шейс — капитан Континентальной армии, ветеран главных сражений войны, человек, продавший от нужды подаренную ему за храбрость шпагу, — вернулся после службы на ферму в западном Массачусетсе. И попал из одной беды в другую: штат, задавленный собственными военными долгами, выколачивал налоги звонкой монетой, которой у фермеров не было; за недоимки суды забирали землю и сажали в долговые тюрьмы. Осенью 1786 года западный Массачусетс поднялся: вооружённые толпы — в большинстве такие же ветераны — стали закрывать здания судов, чтобы остановить взыскания. Шейс оказался одним из вождей, и восстание получило его имя.

Смотрим на ответ конструкции. Конгресс Конфедерации не смог помочь штату ничем: ни войск, ни денег, ни полномочий. Массачусетс подавил восстание сам — и то не казённой силой, а армией, собранной на частные деньги: бостонские купцы сложились и наняли войско. Зимой 1787-го у арсенала в Спрингфилде эта частная армия рассеяла повстан-

цев картечью.

Документ.

Диагноз подтверждён с обратной стороны, и притом зеркально. Наверху конструкция не могла собрать со штатов обещанное армии. Внизу — не могла защитить само взыскание иначе, чем на купеческие деньги. Одна болезнь на обоих уровнях: между решением и исполнением — пусто.

Весной того же 1787 года в Филадельфии соберётся Конвент — съезд делегатов штатов, формально созданный лишь поправить Статьи Конфедерации. Он их не поправит. Он их похоронит.

Итог главы

Линия короткая — сложим.

Восемь лет без президента показали: единство, воля и символ обходятся без него; не обходится сбор — способность взять то, что причитается, и заплатить тем, кому обещано.

Двое офицеров, порознь, вывели из этой болезни запрос — и запрос был на копию известного им монаршего устройства, где присяга и жалованье идут из одного источника. Копию им не дали: монархию отвергли на письме, в тот же день. А наследственность — тихую, обществом, без трона — через год учредили и, отбив публичную атаку, сохранили.

И тогда должность, созданная в 1787 году, получает своё настоящее определение — не из преамбулы, а из восьмилетнего опыта, который ей предшествовал. Просили устройство платежа — учредили устройство сбора. Президент — не источник власти и не отец нации. Президент — адрес, по которому предъявляют вексель: фигура, с которой можно спросить и через которую можно взять. Республика не завела ни слугу народа, ни наследника короля. Она завела ответчика по обязательствам.

И уточним по Моррису, кем этот ответчик не был: не первым исполнителем — исполнитель уже был и не справился, причём не по слабости лица, а по устройству. Должность

1787 года заменила смертный личный адрес несменяемым должностным: подпись, которая банкротится и умирает, — должностью, которая сменяет людей и не гаснет. Претензию отныне предъявляют не человеку — месту.

Само слово это подтверждает — и к слову мы вернёмся в главе четвёртой, где Сенат будет требовать титул «Его Высочество», а Палата отстоит голое «президент». В английском языке восемнадцатого века president — председатель подчинённого органа: президент совета при губернаторе, президент торговой компании при акционерах, президент Конгресса при штатах — человек, ведущий дела при доверителе. Для высшей должности страны взяли не слово суверена — слово приказчика.

Документ — словоупотребление; развёртка — в главе четвёртой.

Гипотеза получает первое расхождение, и мы отмечаем его без нажима. Должность появилась не по требованию избирателя — избирателя как всеобщей фигуры ещё не существовало, право голоса имела малая часть населения, и о ней разговор впереди. Должность появилась по требованию тех, кому не заплатили, и тех, кому были должны.

У колыбели должности стоит не воля народа. У колыбели стоит невыплаченный долг — и рядом первый распорядитель казны, не сумевший его собрать.

Реконструкция — прочтение. Каждое звено — **документ**.

РИМ В ЭТОТ МОМЕНТ

По правилу цикла — сверяем часы с Римом. Читателю, пришедшему в цикл с этой книги, поясню рубрику: в каждой главе мы смотрим, что в те же годы делает старейшая система проверки власти — римский престол. Не потому, что подозреваем его руку во всяком событии, а потому, что две хронологии, положенные рядом, показывают то, чего не видно в каждой поодиночке.

На престоле — Пий VI, в миру Джананджело Браски: римский аристократ, юрист по образованию, казначей при прошлом папе, избранный в 1775 году — за год до американской Декларации независимости. По Матрице имён, приложенной к этой книге, имя Пий — имя осады: его берут, когда враг уже внутри стен, и стратегия папы — оборона периметра.

Смотрим, чем он занят. Главный противник десятилетия — не безбожник и не еретик, а самый католический из монархов: Иосиф II Габсбург, император Священной Римской империи, правитель Австрии, Богемии, Венгрии и половины Италии. Убеждённый сын церкви, он перестраивает её в своих владениях государственным порядком, как перестраивают почту: закрывает сотни монастырей «бесполезных» созерцательных орденов, передаёт подготовку священников из церковных семинарий в государственные, перекраивает гра-

ницы епархий указом, запрещает епископам сноситься с Римом напрямую — и требует права самому назначать епископов в итальянских провинциях империи, угрожая иначе назначить их без спроса.

Читатель четвёртой книги узнаёт предмет спора с одного слова: назначение епископов. Это то самое право, которое в перечне четвёртой книги весит больше любых денег: кто назначает пастырей, тот владеет паствой.

И Пий VI делает то, чего не делал ни один папа два с половиной века — со времён Климента VII, ездившего короновать императора в 1533 году. Двадцать седьмого февраля 1782 года он выезжает из Рима. Двадцать второго марта прибывает в Вену. Месяц — до двадцать второго апреля — глава высшей духовной инстанции лично, в чужой столице, уговаривает монарха не трогать назначения. Не легата шлёт, не нунция — едет сам: мера отчаяния, переодетая в паломничество. Вена встречает его толпами и почестями; Иосиф — вежливостью и непреклонностью. Папа уезжает ни с чем: всё, что он увозит, — обещание, что реформы не тронут догматов. Реформы продолжаются и усиливаются.

Документ: даты и исход поездки.

А теперь — вторая половина картины, и она важнее первой. В том же 1782 году, когда папа возвращается из Вены с пустыми руками, за океаном двое полковников пишут свои письма о монархии. А в 1783-м, ещё до подписания Парижского мира, происходит первый документированный контакт

Рима с новорождённой республикой.

Нунций в Париже — постоянный посол папы при французском дворе — передаёт Бенджамину Франклину, американскому послу, ноту: Рим спрашивает, как теперь устраивать католическую церковь в независимых Штатах, — до войны американские католики подчинялись епископу в Лондоне, что стало невозможно, — и предлагает поставить для них епископа или викария. Франклин пересылает ноту Конгрессу. Ответ Конгресса стоит того, чтобы его выучить наизусть: вопрос этот — духовный, юрисдикции Конгресса не подлежит.

Документ: нунциатурная переписка 1783–1784 годов.

Вчитаемся. Новорождённое государство письменно отказывается от того, за что в Европе тысячу лет резались короли и императоры, — от участия в поставлении епископов. То, что Иосиф отнимает у Рима осадой и указами, Америка оставляет Риму добровольно — за ненадобностью: в тринадцати штатах католиков около одного процента населения, и для Конгресса это не рычаг влияния, а чужая частность. Рим берёт.

В 1784 году главой американской миссии поставлен Джон Кэрролл — фигура, которую надо представить, ибо она соединяет миры. Кэрролл — из богатейшей католической семьи Мэриленда, единственной колонии, основанной католиками; иезуит, учившийся и служивший в Европе; его кузен Чарльз Кэрролл — единственный католик среди подписав-

ших Декларацию независимости, а сам Джон в 1776 году ездил с Франклином в дипломатическую миссию в Канаду. Свой для республики, свой для Рима.

В 1789 году — в год, когда за океаном приносит приросту первый президент, — Пий VI буллой учреждает Балтиморскую епархию: первую католическую кафедру Соединённых Штатов, с Кэрроллом во главе. И механика первого раза красноречива: американскому духовенству дозволили самим избрать кандидата — единственный раз; впредь поставление пойдёт обычным римским порядком, назначением сверху. Дверь открыли выборами — закрыли назначением.

Документ: булла и порядок избрания.

Сложим итог десятилетия. В Вене Рим теряет назначения с боем — лично, унижительно, на глазах Европы. В Балтиморе — получает их без единого выстрела, потому что новая власть объявила кадры церкви не своим делом. Одно и то же право: там отнято, здесь подарено. Система, проигрывающая в Европе, получает в Америке то, чего не могла удержать дома, — и получает из рук государства, искренне уверенного, что ничего не отдаёт.

Границу метода провожу сам, и она жёсткая. Участия Рима в учреждении американского президентства нет ни в одном документе, и его не будет в этой книге. Показанное выше — не рука в американских делах: это два документа о том, что Рим в год рождения должности присутствовал, спрашивал и строил — с ведома и согласия новой власти. Присут-

ствие — документ. Всё сверх присутствия — молчание, и мы молчим вместе с документами.

И одна сквозная линия, которую здесь только начинаем, а развернём в главах восьмой и десятой. Государство, оставившее Риму назначения, само состояло из людей, чьи деды и прадеды из-под этих назначений вышли — в Европе, заплатив за выход преследованием: пуритане Новой Англии, пресвитерианцы, квакеры Пенсильвании, гугеноты — вспомним корни полковника Николы. К 1776 году в тринадцати штатах живёт народ, для которого выход из-под Рима — не биография, а наследственность: третье-четвёртое поколение выхода. Что делает с властью общество, целиком составленное из потомков выхода, и почему за два с лишним века эта власть впустит на высшую должность лишь двоих из-под старого проверяющего — оба раза под особые гарантии, — покажут главы об отборе. Здесь — заметка на полях: один процент.

Показания Матрицы

Рубрика цикла: сверяем правителя с кодом его имени — не веря коду на слово.

Имя Пий — осада; стратегия — оборона периметра. Проверяем на Пии VI. Он обороняется по всем направлениям сразу: Иосиф в Вене; брат Иосифа Леопольд — в Тоскане, где созывает реформистский синод; в Эмсе немецкие архиепископы съезжаются урезать права нунциев; в Неаполе король держит пустыми епископские кафедры — к 1784 году их тридцать. Ни одного наступления в Европе, ни одного нового инструмента; единственная вылазка за стены — Вена, и она кончается пустыми руками: вне стен оборона не работает, код исполняется буквально. А единственный прирост понтификата приходит там, где не надо выходить из ворот: за океаном, куда кафедру не несут с боем — её принимают по почте.

Ячейка В Матрицы, конфигурация власти. Исполнитель кода: Н.

И показание от отсутствия: Соединённые Штаты в Матрице не появляются ни в одной строке. Система имён, которую мы вскрывали в первой книге цикла, классифицирует Америку как не-театр: первую сотню лет республика будет отсутствовать в её расчётах. Когда Америка в них появится — читатель увидит это по самой таблице, в свой срок.

Что стало с участниками

Рубрика цикла: что стало с теми, кто делал работу.

Льюис Никола. Выговор получил двадцать второго мая; извинялся двадцать третьего, двадцать четвёртого и двадцать восьмого — четыре письма за неделю, с просьбой указать ему его ошибку. А в ноябре 1783 года произведён в брет-звание бригадного генерала — почётное повышение без должности и оклада, каким армия отмечает заслуженных. Ни опалы, ни разбирательства; отношения с командующим вернулись в прежнее русло.

Документ.

Четвёртая книга сняла этот приём с антипапы Николая V — соперника законного папы, который явился сдаваться в Авиньон с верёвкой на шее и получил не казнь, а прощение, пенсию и почётное содержание: сдавшемуся — почёт, чтобы следующему было выгоднее сдать, чем стоять. Здесь — молодая республика, не имевшая дела ни с конклавом, ни с курией, и в ней тот же расчёт исполнен до жеста. Приём, описанный в Авиньоне, найден в Ньюбурге.

И заметьте, чего в этом случае нет. Нет огласки. Вашингтон обещал, что известие останется при нём, и обещание сдержал: публичного дела о письме Николы не существовало — ни разбирательства, ни газетного шума, ни объяснений перед Конгрессом. Значит, почёт не был откупом от сканда-

ла: откупаться было не от чего. Повышение сдавшемуся выдали не под давлением, а по умолчанию — так, как исполняют правило, а не так, как гасят пожар. Это и делает случай чистым: у него нет второго объяснения.

Документ — обещание молчать и бревет ноября 1783 года. **Реконструкция** — прочтение.

Это и называется полевыми испытаниями.

Джеймс Варнум. Возражение получил вежливым — и последствий не имел никаких: после войны — снова Конгресс, затем судья на Северо-Западной территории. Умер в сорок лет от чахотки, на новой земле, которую сам же обустроивал.

Общество Цинциннати. Оспорено памфлетом и насмешкой; наследственность отменена на общем собрании — и не ратифицирована штатами, то есть сохранена. Существует по сей день.

Роберт Моррис. Держал казну страны на личной подписи и ушёл, не собрав ничего. В 1789-м первый президент предложил ему казначейство — он отказался и назвал Гамильтона: первый распорядитель казны сам передал дело сборщику. Потом — земельные спекуляции на том самом долге и той самой бумаге, крах — и долговая тюрьма: три с половиной года за решёткой, с 1798 по 1801 год, при живой республике, которую он финансировал из своего кармана; выпущен по первому федеральному закону о банкротстве; умер в 1806-м в неизвестности.

Устройство сбора, которое не дали построить ему, было

построено без него — и взыскало с него первым. Работу приняли; работника — в тюрьму. Судьба открывает ряд, который мы поведём через всю книгу.

Джордж Вашингтон. Отверг предложенную форму — и через шесть лет занял должность, учреждённую под ту самую задачу, ради которой ему эту форму предлагали. Не корону взял. Взял сбор.

Перечень механизмов

По правилу четвёртой книги, закрывая разбор, пересчитываем механизмы: так в перечнях цикла зовутся повторяемые приёмы, которыми система делает свою работу, — младшие родственники главного механизма признания. Перечень этой книги открыт.

Первый. Сбор как предмет власти. Настоящее содержание должности — не символ и не воля: способность взять причитающееся и заплатить обещанное. Поймано: Статьи Конфедерации, 1781–1789; неоплаченная армия; Шейс.

Второй. Подмена запроса. Снизу просят копию известного устройства — сверху выдают равное по действию под новым именем: просили монархию как устройство платежа, получили президентство как устройство сбора. Поймано: письма 1782 года против конструкции 1787-го.

Третий. Наследственность, спрятанная в общество. Передача статуса по крови без трона и обряда — списком членов и правилом преемства; под атакой смягчается на бумаге и сохраняется в практике. Поймано: Общество Цинциннати, тринадцатое мая 1783 года; нератифицированная реформа 1784 года.

Четвёртый. Право, подаренное за ненадобностью. То, за что дерутся там, где его цену знают, отдаётся даром там, где его не опознали. Поймано: нота нунция 1783 года, ответ Кон-

гресса, Балтиморская кафедра 1789 года.

Пятый. Сдавшемся — почёт. Механизм четвёртой книги; здесь — независимое подтверждение на чужом поле. Поймано: бревет Николы, ноябрь 1783 года.

Пятый дополнительный. Личная версия дела. Задача, не имеющая учреждения, исполняется частным лицом на его смертном кредите — и не переживает исполнителя: бумага с автором гаснет вместе с подписью. Детали без сборки механизма не образуют; сборку производит сбор. Поймано: ноты Морриса, 1781–1784. Второй случай в этом ряду — октябрь 1907 года, в своей главе.

Пять и одна личная нота. Перечень открыт.

Восемь лет опыта дали ответ: должность учредили, чтобы было с кого спросить и через кого взять. Осталось узнать, кто предъявил вексель первым.

Это глава вторая.

Глава

Источники главы первой (в конец главы)

1. Письмо Льюиса Николы Джорджу Вашингтону, 22 мая 1782 г. — «To George Washington from Lewis Nicola, 22 May 1782», Papers of George Washington; подлинник в Библиотеке Конгресса; полный текст с вложением: founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-08500
2. Ответ Джорджа Вашингтона Льюису Николе, 22 мая 1782 г. — «From George Washington to Lewis Nicola, 22 May 1782», Papers of George Washington: founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-08501
3. Роберт Хаггард. Разбор «дела Николы», Proceedings of the American Philosophical Society, 2002.
4. Письмо Джеймса Митчелла Варнума Джорджу Вашингтону, 23 июня 1782 г. — «To George Washington from James Mitchell Varnum, 23 June 1782», Papers of George Washington: founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-08770
5. Ответ Вашингтона Варнуму, 10 июля 1782 г. — Writings of George Washington, ed. Fitzpatrick, т. XXIV, с. 415–416.
6. «Institution of the Society of the Cincinnati», 13 мая 1783 г.; оригинал на пергаменте — Андерсон-хаус, Вашингтон; редакторская справ-

ка: Founders Online, founders.archives.gov/documents/Washington/04-01-02-0236-0001

7. «Benjamin Franklin to Sarah Bache, 26 January 1784», Papers of Benjamin Franklin, т. 41: founders.archives.gov/documents/Franklin/01-41-02-0327

8. Донесение Лафайета Вашингтону, март 1784 г. — цитируется в редакторском аппарате Papers of Benjamin Franklin, там же.

9. Journals of the Continental Congress, т. XXVI, с. 7.

10. Записки Вашингтона к общему собранию Общества Цинциннати 1784 г. — Writings of George Washington, ed. Fitzpatrick, т. XXVII, с. 393–396; редакторское примечание: «Thomas Jefferson to George Washington, 16 April 1784», Founders Online: founders.archives.gov/documents/Jefferson/01-07-02-0102

11. Бриллиантовый орёл: справка Общества Цинциннати о генерал-президентах — societyofthecincinnati.org/presidents-general/ ; Институт Американской революции, americanrevolutioninstitute.org/masterpieces-in-detail/diamond-eagle-of-the-society-of-the-cincinnati/ ; Музей Американской революции, amrevmuseum.org/exhibits/diamond-eagle-of-the-society-of-the-cincinnati

ГЛАВА ВТОРАЯ. КОМУ ВЫПИСАН ВЕКСЕЛЬ

Первая глава кончилась определением: президент — адрес, по которому предъявляют вексель. Определение обяза-

вает. Если оно верно, то первые же движения нового устройства должны показать не то, что оно провозглашает, а то, кому оно платит.

Провозглашения записаны в преамбуле. Платежи записаны в законах 1790 и 1791 годов и в одном военном походе 1794-го. Пойдём по платежам.

Но прежде — представим человека, который держал казну.

Человек ниоткуда

Александр Гамильтон — самая невозможная биография среди отцов-основателей, и её надо знать, чтобы понять всё дальнейшее.

Он родился не в Америке — на Невисе, крошечном сахарном острове британской Вест-Индии, внебрачным сыном разорившегося шотландского торговца и француженки-гугенотки, которую первый муж когда-то посадил в тюрьму за неверность. Отец бросил семью; мать умерла, когда мальчику было около тринадцати; наследство отсудили её законные наследники. Сирота без имени и денег пошёл клерком в торговую контору на соседнем острове Сент-Круа — считать чужие грузы, фрахты и векселя. Считал он так, что купцы сложились и отправили подростка учиться в Нью-Йорк.

Дальше — война, и взлёт, возможный только на войне: артиллерийский капитан, затем адъютант Вашингтона — при штабе, где через его руки идёт вся переписка армии, включая ту самую, о невыплаченном жалованье; боевой офицер под Йорктауном. После войны — юрист в Нью-Йорке, делегат Конвента, соавтор «Федералиста» — восьмидесяти пяти газетных статей в защиту новой Конституции, написанных им на пару с Мэдисоном и Джеем. В 1789 году Вашингтон делает его первым в истории страны министром финансов. Ему тридцать четыре года.

Запомним об этом человеке главное, потому что без этого глава превратится в памфлет, а памфлеты — не жанр нашего цикла. Гамильтон не был богат и не стал: из казначейства он уйдёт человеком небогатым и будет до смерти зарабатывать адвокатурой. Он не скупал бумаг, о которых пойдёт речь, — этого не нашли даже его враги, а искали они старательно. Он строил не для себя.

Тем важнее увидеть, для кого построенное заработало.

Бумаги находят владельца

Теперь — товар.

Армию, как мы видели, распустили с сертификатами вместо жалованья: долговыми обязательствами казны, обещаниями заплатить потом, с процентами, когда деньги будут. Солдат уходил домой с бумагой. Хлеба на бумагу не купишь; налоги ею не заплатишь; а главное — будущего у неё не видно: Конфедерация, не способная собрать налог, очевидно не способна и платить по долгам.

На рынке — а рынок возникает мгновенно там, где есть нужда с одной стороны и терпение с другой — сертификаты пошли с рук за долю номинала. Номинал — это цифра, написанная на бумаге: сто долларов обещания. Продавали, по свидетельствам эпохи, и за четверть, и за шестую часть, а в глухих углах и дешевле — тому, кто мог ждать и, что важнее, понимал, чего ждёт.

Здесь первая оговорка честности, раньше критика. Точная доля сертификатов, ушедших от первоначальных держателей, и средняя цена скупки в литературе гуляют широко — от осторожных архивных подсчётов до памфлетных «всё скупили за гроши». Цифру без постраничной ссылки эта книга не назовёт: доля и скидка пойдут в набор только из казначейских реестров и рецензируемых работ. До того масштаб — **реконструкция**, сам факт — **документ**.

Факт же в защите не нуждается: скупка была публичным скандалом того самого времени. Когда в январе 1790 года стало известно, что казначейство предложит платить по номиналу, из Нью-Йорка — тогдашней столицы — на юг и запад, по свидетельствам современников, пошли корабли и курьеры с наличными: агенты спешили скупить бумагу у тех, до кого новость ещё не дошла. Об этом говорили в Конгрессе; об этом писали газеты.

Из этого скандала родился главный документ этого разбора. Документ называется голосованием.

Одиннадцатое февраля 1790 года

Место действия — Федерал-холл на Уолл-стрит в Нью-Йорке: бывшая городская ратуша, перестроенная под первый Конгресс; на её балконе десятью месяцами раньше принёс присягу первый президент. В зале Палаты представителей — люди, только что написавшие и протолкнувшие Конституцию; большинство знает друг друга по Конвенту.

В январе Гамильтон подал в Палату «Доклад о публичном кредите» — план из трёх частей: долг признать полностью; платить по номиналу; платить тому, в чьих руках бумага сегодня. Кто купил за шестую часть — получит целое, с процентами.

Одиннадцатого февраля встаёт Джеймс Мэдисон.

Его надо представить в полный рост, потому что вес удара зависит от того, кто бьёт. Виргинский плантатор, маленький, тихий, болезненный — и первый ум Конвента: это он привёз в Филадельфию готовый план устройства власти, он вёл конспекты всех прений, которые останутся главным их источником, его назовут отцом Конституции. И он — соавтор Гамильтона по «Федералисту»: два года назад они в четыре руки защищали эту самую конструкцию. Теперь один соавтор встаёт против другого. Хоронить предложение будут не чужие — свои.

Предложение Мэдисона вошло в историю под сухим сло-

вом «дискриминация», и суть его проста: различить. Одиннадцатого февраля он раскладывает всех держателей бумаги на четыре разряда — так, как раскладывают улики: первоначальные кредиторы, не отчуждавшие бумагу; первоначальные кредиторы, её отчуждившие; нынешние держатели отчуждённых бумаг; промежуточные держатели, через чьи руки бумага прошла. И предлагает: нынешнему держателю — по самой высокой рыночной цене, какую бумага знала, с честной прибылью; разницу до номинала — первоначальному держателю: солдату, вдове, фермеру, чьим потом бумага заработана. Казна тратит те же деньги; вопрос лишь в том, между кем делится платёж.

Документ: речь о различении нынешних и первоначальных держателей публичного долга, одиннадцатое февраля 1790 года, бумаги Джеймса Мэдисона, том тринадцатый.

Современники заметили то, что обязаны заметить и мы: Мэдисон менял позицию. В 1783 году и ещё на Конвенте он сам считал, что различать держателей нельзя — торговля долгом есть торговля, купивший купил. Что переменилось? Его ответ записан в речи: масштаб спекуляции существенно изменил состояние вопроса. Пока бумага переходила из рук в руки торговым порядком — одно; когда по стране поехали агенты со списками и наличными скупать обещание у тех, кто не знал ему цены, — другое.

Документ.

Против него выступили с доводом, который надо приве-

сти полностью, потому что в нём есть правда — и потому, что без него картина лжива. Платить по номиналу последнему держателю — значит сделать бумагу Соединённых Штатов настоящей: всякий будущий покупатель будет знать, что подпись казны не пересматривается, — и только тогда у страны появится кредит, то есть возможность занимать дёшево. Начни различать держателей задним числом — и никакая американская бумага впредь не будет стоить номинала, ибо всякий будет бояться пересмотра.

Гамильтон строил не несправедливость. Он строил доверие к подписи государства — и в этом был прав.

Но следствию важен не мотив — следствию важно, кто получил.

Восемнадцатого февраля Мэдисон отвечает на трёхдневный обстрел одним примером, и пример этот стоит всей арифметики: «Правительство заплатило солдату десять долларов, стоивших в действительности один; солдат был тогда первоначальным держателем. Солдат передал бумагу гражданину; гражданин стал держателем действительным. Чем это кончилось? Убыток первоначального держателя был возмещён — после того, как с действительным рассчитались по высшей рыночной стоимости его бумаги». То есть прецедент уже был, и был при прежнем Конгрессе.

А девятнадцатого февраля происходит обмен репликами, который надо привести целиком, потому что он объясняет всё дальнейшее лучше любых цифр. Бёрк из Южной Каро-

лины возражает Мэдисону так: многие офицеры и солдаты уже получили заметные знаки благодарности за свою службу, в особенности назначениями на гражданские должности. Мэдисон отвечает: «Если бумага, или почесть в виде статуй и медалей, могут погасить долги правосудия, подлежащие уплате золотом и серебром, — тогда мы можем освободить себя не только от долгов первоначальным держателям, но и от долгов приобретателям... Но, сэр, долг, причитающийся в золоте и серебре, не оплачивается ни почестью, ни назначениями, ни бумагой».

Запомните этот довод Бёрка — «им дали должности». Через девяносто лет по нему выстрелят: человек, не получивший должности по той же логике, застрелит президента, и об этом шестая глава.

Документ: бумаги Джеймса Мэдисона, том тринадцатый, — речи восемнадцатого и девятнадцатого февраля 1790 года.

Двадцать второго февраля голосование. Различение провалено: тридцать шесть против тринадцати.

Документ: редакторское примечание к речи девятнадцатого февраля — двадцать второго февраля Комитет всей палаты отклонил поправку Мэдисона, тридцать шесть против тринадцати. Поимённый расклад — по журналу Палаты.

И ещё одно свидетельство — из письма, пришедшего Мэдисону два года спустя, первого февраля 1792 года, от Джонатана Мейгса из Мариетты. Мейгс вспоминает тот спор и

пишет: спекуляция взяла верх, «что ввергло тысячи в состояние бедственное, без надежды на поправление». А дальше — фраза, ради которой это письмо здесь стоит: «Цинциннати Нью-Йорка, как говорили, заявили, что не желают, чтобы дискриминация была произведена».

Общество Цинциннати. Наследственное общество офицеров той самой армии — третий механизм из нашего первого перечня. По этому свидетельству его нью-йоркское отделение высказалось против возмещения первоначальным держателям, то есть против собственных бывших солдат и в пользу скупщиков.

Ярлык ставим честно: Мейгс пишет «как говорили» — это слух, переданный в частном письме. Существование письма и его текст — **документ**. То, что заявление действительно было сделано, — **косвенное свидетельство**.

Но занесём в дело последовательность, потому что она третья по счёту. Тысяча семьсот восемьдесят третий: офицеры учреждают наследственное общество — глава первая. Тысяча семьсот девяностый: это общество, по свидетельству современника, против выплаты солдатам. Тысяча семьсот восемьдесят седьмой, между этими двумя датами: Конвент боится, что народное избрание «бросило бы назначение в руки Цинциннати» — глава третья. Одно и то же общество появляется в трёх местах нашего следствия — и ни разу мы его туда не звали.

Прочтём это голосование так, как оно того заслуживает,

— без гнева, следственно.

Первый Конгресс нового устройства, поставленный перед выбором «солдат или держатель бумаги», выбрал держателя — открыто, поимённо, за протоколом, тремя четвертями голосов. Не тайный сговор: сговоры протоколов не оставляют. Так голосует система, уверенная в своей правоте, — и у правоты, как мы видели, был резон.

Доверие к подписи государства оплатили те, кто этой подписи поверил первым и продал её за долю. Получили — те, кто купил. Между обещанием и платежом встал держатель, и устройство, созданное, чтобы платить по обещаниям, первым же актом признало его — а не того, кому обещало.

Документ — голосование. **Реконструкция** — прочтение.

Ужин и столица

Второй платёж того же лета оформлен словом assumption — «принятие»: федеральная казна принимает на себя военные долги отдельных штатов, около двадцати миллионов долларов. Для Виргинии и других южных штатов, уже расплатившихся по своим долгам сами, это был чужой счёт: плати теперь вторично, через общие налоги, за долги Массачусетса. Для держателей бумаг задолжавших штатов — вторая конвертация: и эти обещания становились федеральными, настоящими.

Весной Палата предложение валит. К концу июля оно проходит. Что случилось между?

Случился ужин.

Хозяина зовут Томас Джефферсон, и он тоже входит в книгу впервые — представим. Автор Декларации независимости; виргинский плантатор и вольнодумец; пять лет посол в Париже, откуда вернулся только что — и с марта 1790 года первый государственный секретарь, то есть министр иностранных дел, в том же правительстве, где Гамильтон министр финансов. Два первых министра новой власти возненавидят друг друга так, что из их вражды вырастут первые политические партии страны, — но это впереди. Пока они соседи по кабинету.

По записи Джефферсона — сделанной годы спустя, — в

июне 1790-го он встретил Гамильтона у дверей президента: министр финансов был мрачен, помят и говорил, что без принятия долгов его система рушится, а с нею Союз. Джефферсон позвал его на завтра к себе обедать — третьим был Мэдисон. За вином сложился размен: Мэдисон не станет добиваться провала принятия и найдёт недостающие южные голоса — а в обмен столицу страны перенесут на юг, на реку Потомак.

Поясним, что такое Потомак в 1790 году, потому что читатель видит нынешний Вашингтон, а видеть надо пустое место. Города нет. Есть река между Виргинией и Мэрилендом, болотистые берега, несколько плантаций и посёлков — и всё. Торг шёл не о городе — о точке на карте, о том, где будет находиться будущая власть: у северных торговых столиц или под боком у виргинских плантаторов. Десять лет столица посидит в Филадельфии — и переедет на голое место, которое назовут именем первого президента.

Ярлыки расставим строго. Подробности сделки — **реконструкция**: свидетель один, и свидетель заинтересованный. Джефферсон писал это задним числом, когда стыдился своей роли и объяснял её тем, что Гамильтон его провёл. Но по правилу цикла враждебный свидетель — лучший: человек, желавший бы эту сделку забыть, сам оставил о ней запись.

А итог в реконструкции не нуждается. **Документ**: в июле 1790 года подписан закон о резиденции, назначивший столицу на Потомаке; в августе — закон о фандировании: так на-

зывается превращение вороха старых обещаний в упорядоченный государственный долг, по которому казна обязуется платить проценты; в него вошло и принятие долгов штатов. Пакетом, в шесть недель.

Читателю четвёртой книги сочетание знакомо: право за землю. В 756 году франкский король платил римскому престолу городами за признание; здесь за принятие долга заплатили столицей. Обмен неравноценный лишь на первый взгляд. Столица — это место; долг — это порядок. Кто выбрал порядок — выбрал власть. Виргиния получила реку и будущие камни. Держатели бумаг получили правило, по которому отныне живёт казна.

Четвёртое июля 1791 года

Третий платёж оформлен уставом.

В феврале 1791 года Конгресс учреждает Банк Соединённых Штатов — первый национальный банк страны. Объясним, что это, потому что слово «банк» обманчиво знакомо. Это не сберегательное заведение для обывателя. Это учреждение, в котором государство держит свои деньги, через которое ведёт свои платежи, у которого само занимает — и которому дарована монополия такого положения на двадцать лет вперёд: устав с истечением срока, как у торговых компаний-монополий.

Капитал — десять миллионов долларов, сумма для тогдашней Америки колоссальная. И вот распределение: лишь пятая часть — доля правительства. Четыре пятых открыты частной подписке — то есть продаются частным лицам.

А теперь — механика подписки, и в ней вся глава. Доля стоила четыреста долларов. Живым серебром — звонкой монетой — вносилась лишь четверть. Остальные три четверти уплачивались бумагами государственного долга — теми самыми фандированными обязательствами.

Документ: устав Банка и условия подписки.

Медленно, по слогам, потому что это главное во всей книге. Бумага, выданная солдату вместо жалованья. Скупленная у него за долю номинала. Поднятая фандированием до пол-

ного номинала. Этой самой бумагой — оплачивается собственность на банк, через который государство отныне ведёт все свои платежи.

Вексель не просто оплатили держателю. Вексель обменяли на собственность. Держатель обещания стал совладельцем того самого учреждения, через которое власть по обещаниям платит.

И оплатим отсылку первой главы: вот три операции сборки, на которых сломался Моррис, исполненные подряд. Автор удалён — за бумагой стоит подпись казны, а не смертного купца. Сбор подведён — акциз привязан к обслуживанию долга самим текстом закона; мы увидим его в работе ниже, в походе. Держатели сцеплены — долг принят в оплату долей банка. Детали лежали рядом с 1781 года. В 1791-м их собрали — и шестерни стали часами.

Подписку открыли четвёртого июля — в пятнадцатую годовщину Декларации независимости. Выбор дня оставим без комментария: дата говорит сама.

Заявок пришло на четыре тысячи долей больше, чем существовало долей. Два свидетеля из враждующих лагерей записали одно и то же в один месяц. Вашингтон — с удовлетворением: это превосходит ожидания самых пылких из нас, знак доверия к правительству и неожиданной силы наших граждан. Джефферсон — с тревогой: банк наполнился и переполнился в самый момент открытия, и невозможно сказать, где остановится страсть к игре.

Документ: переписка обоих, июль–август 1791 года.

Когда одно и то же показывают довольный и встревоженный — факт установлен.

Дальше лето сорвалось в горячку, которой Америка ещё не видела. Права на подписку — их называли «скрипами», от слова subscription: квитанция о задатке в двадцать пять долларов, ещё не доля, но уже право на неё — стали товаром сами и за шесть недель прошли путь от двадцати пяти долларов к двумстам с лишним и обратно. Современники окрестили это скрипоманией.

Свидетеля предъявим по всей форме: Бенджамин Раш — филадельфийский врач, подписавший Декларацию независимости, будущий отец американской психиатрии, человек, привыкший ставить диагнозы. Его письма тех недель — готовый диагноз эпохе: Филадельфия обратилась в большой игорный дом; о скрипах говорят на всех углах даже те, кому нечего в них вложить; генерал, начавший играть, жалуется, что не спит ночами; у троих горожан спекуляция вызвала настоящую горячку, и один из них, выигравший двенадцать тысяч за несколько минут, помешался и в несколько дней умер.

Документ: письма Раша, август 1791 года.

Это уже не сюжет — это измерение. Так лихорадит там, где делят настоящую добычу.

Признание, проданное долями

Здесь остановимся, потому что в горячке того лета легко проглядеть главное. Отступим на шаг и спросим себя простую вещь.

Зачем королю помазание?

Вспомним, как это работало, — четыре книги цикла разбирали устройство по винтику. Приходит епископ, мажет лоб освящённым маслом, и с этой минуты король — настоящий: власть его признана, подпись его тверда, монете его верят, слову его подчиняются. Помазание — это не про Бога. Это про гарантию: есть инстанция, которая поручилась. Пока поручительство в силе — королю дают в долг, его деньги берут, его приказы исполняют. Отзови инстанция поручительство — интердиктом, отлучением — и тот же король с той же короной вдруг обнаруживает, что монета его не ходит, вассалы не съезжаются, а кредиторы требуют всё и сразу.

Признание — вот товар, который продавал Рим. Товар штучный: одно помазание на царствование, из одних рук, по цене, которую назначал продавец.

Теперь смотрим на Америку 1791 года. Помазания нет. Епископа с маслом нет. Инстанции с адресом нет — гипотеза этим и гордится. Но вопрос-то никуда не делся: почему бумаге этой власти верят? Почему её монету берут, её подписи подчиняются? Чем гарантирована власть, за которую никто

не поручился?

Ответ дало то самое лето, и он поразительнее любого заговора. Гарантию продали в розницу.

Смотрите, что такое фандирующая бумага и доля Банка, если глядеть на них глазами цикла, а не глазами бухгалтера. Человек, купивший её, поставил свои деньги на то, что эта власть — настоящая: что она соберёт налоги, заплатит проценты, устоит. Он поручился за власть — собственным карманом. Тысячи подписчиков — тысячи поручительств. И поручительство это не разовое, как помазание: бумага торгуется ежедневно, и каждый день цена её говорит вслух, верят власти или нет. Поднялась бумага — признание подтверждено. Упала — признание отзывается, само, без всякого епископа.

Вот теперь видно, что построил Гамильтон, — и чего не видел, строя, ни он сам, ни кто-либо из современников. Не банк. Он построил замену помазанию: признание, которое работает без Рима, без обряда и без перерыва.

Старый мир выдавал признание один раз, из одних рук, целиком. Новый — раздробил его на доли и пустил в продажу: четыре пятых подписки, четыреста долларов доля, у кого бумага — тот и поручитель. И оттого в день открытия продаж Филадельфия сошла с ума, а человек, выигравший за минуты двенадцать тысяч, умер от потрясения: город, сам того не зная, впервые в истории торговал тем, чем прежде владел один престол.

Отсюда и ответ на вопрос, зачем нужен был день четвёртого июля. В пятнадцатую годовщину независимости от старых проверяющих продавали — по подписке, долями — нового.

Здесь следствие обязано остановить само себя возражением, которое умный критик приготовил уже две страницы назад. Раздробленное на доли, ежедневно котируемое поручительство карманом не изобретено в Филадельфии. Банк Англии — 1694 год; консоли, вечные бумаги британской казны с ежедневной ценой, — 1751-й. Лондонская долговая конструкция старше американской на век, и Гамильтон не скрывал, что строит по её чертежу. Если бумага — замена помазанию, почему она век прожила в Лондоне рядом с живым помазанием — и ничего не заменила?

Потому что в Лондоне она встала рядом, а здесь — вместо. Английская конструкция выросла при живой короне и живом обряде: у власти осталось два поручителя — старый, штучный, и новый, ежедневный; бумага добавила признание, не заместив его.

Уточним и это, пока не уточнил критик. Корона, при которой в 1694 году возник Банк Англии, была поручителем ослабевшим: за двадцать два года до того казна Карла II остановила платежи лондонским банкирам, и доверие к королевской подписи как к обеспечению долга с тех пор не восстановилось. Место в Лондоне было, стало быть, не занято, а занято наполовину — и бумага заняла ровно ту его часть,

которая освободилась. Правило от этого не слабеет, а становится точнее: бумага идёт туда, где поручительство ослабло или отсутствует вовсе. Америка — единственный случай, где у бумаги не было соседа: ни короны, ни собора, ни масла. Одно устройство, две страны, два исхода — и разница исходов доказывает наше прочтение строже любого одиночного случая: дело не в изобретении бумаги, а в том, чьё место она занимает. Там, где место занято, она служит второй подписью при первой. Там, где место пусто, она становится единственным проверяющим — и мы наблюдаем её работу в чистом виде. Полевые испытания требуют чистого случая; Лондон — случай с примесью, и тем ценнее для сравнения. К его двойной проверке мы ещё вернёмся — когда встретим дом, ставший связующим звеном между двумя конструкциями, в седьмой главе.

Документ — даты, устав, подписка и цены. **Реконструкция** — сравнение и прочтение.

Но прочтение это сейчас же начнёт подтверждаться делом, и трижды: тихим спором в кабинете, паникой на бирже и военным походом.

Кто толкует признание

Первое подтверждение — тихое.

Ещё в феврале, до подписания устава, Вашингтон затребовал от министров письменные мнения: вправе ли Конгресс вообще учреждать банк? В Конституции такого полномочия нет. Джефферсон и генеральный прокурор Рэндольф ответили: не вправе — не написано, значит, не дано. Гамильтон ответил запиской о подразумеваемых полномочиях: дано всё, что необходимо и уместно для исполнения порученного; казне поручены деньги — значит, дан и банк. Вашингтон подписал по Гамильтону.

Документ: три записки, февраль 1791 года.

Учебник относит спор о толковании Конституции к 1803 году и к Верховному суду. Но вот он, первый такой спор, — за двенадцать лет до суда, и предмет его теперь понятен читателю без перевода. При старом порядке право говорить от имени признания — толковать, что угодно Богу и что законно, — держал тот же, кто мазал: Рим. Здесь признание только что раздробили на доли — и немедленно встал вопрос, кто говорит от имени раздробленного. Первым это право взял не судья, а тот, кому толкование было нужно для работы.

Запомним порядок: сначала толкование понадобилось казне — потом его освятит суд. Развёртка — в главе пятой, где проверяющий учредит себя сам.

Тысяча семьсот девяносто второй: первый отзыв признания

Второе подтверждение пришло через полгода, и его никто не заказывал.

Весной 1792 года пирамида спекулянта Дуэра — о нём ниже — рухнула и утянула за собой рынок: бумаги, летевшие вверх, полетели вниз, Нью-Йорк охватила первая биржевая паника в истории страны. Переведём на язык цикла: признание, только что распроданное по подписке, начали отзывать — не декретом, не буллой, а продажей. Тысячи поручителей разом понесли свои доли обратно.

И смотрите, что делает Гамильтон, — потому что его действия те же, что у Рима в дни шатнувшегося престола, только средство другое. Он бросает казённые деньги скупать падающие бумаги — держит цену, то есть держит признание, не давая ему отозваться. Через считанные недели рынок устоял.

Документ: операции казначейства, март–апрель 1792 года.

Первый в истории Америки кризис власти был отбит не войском и не словом — скупкой на рынке признания. Так гасят не банкротство. Так гасят отлучение.

Тысяча семьсот девяносто четвёртый: принуждение к признанию

Третье подтверждение — громкое, и оно замыкает главу на первую.

В марте 1791 года — тем же пакетом, что и фандирование, — введён акциз на крепкие напитки. Акциз — это налог не на землю и не на ввоз, а на производство: столько-то центов с галлона перегнанного виски, и собирает его разъездной сборщик, имеющий право войти на твою ферму и обмерить твой перегонный куб. Назначение налога записано прямо: обслуживание принятого государственного долга. Связка «долг — акциз» — не наше построение, она в самих актах.

Документ.

Чтобы понять, что случилось дальше, надо увидеть место. Западная Пенсильвания — это за Аллеганскими горами: четыреста вёрст бездорожья до восточных рынков. Зерно оттуда не вывезешь — сгниёт и разорит перевозкой; а перегони его в виски — и лошадь увезёт на спине урожай целого поля. Виски там не напиток и не роскошь — это форма, в которой зерно переживает дорогу, и притом ходячая валюта: им платят работнику, лавочнику, проповеднику. Акциз на виски был для этих мест налогом на сами деньги — и при-

том деньгами, которых там не водилось: платить полагалось звонкой монетой. А льготы крупным винокурням делали налог тем тяжелее, чем мельче был перегонный куб.

Четыре года западные графства не платили. Сборщиков встречали смолой и перьями — старинной казнью позора: облить горячей смолой, вывалить в перьях, провезти на жерди. Летом 1794-го дошло до огня: несколько сотен вооружённых людей осадили и сожгли усадьбу генерального инспектора налогов; при штурме были убитые. По дорогам пошли слухи о походе на Питтсбург.

И тогда власть показала, что она такое. По требованию, оформленному судебным порядком, президент поднял ополчение четырёх штатов — почти тринадцать тысяч человек: армия больше той, какой он командовал в решающих кампаниях войны за независимость. И поехал к войскам сам — смотрел полки в Карлайле и Бедфорде; за горы армию повёл не сам, передав команду. Единственный раз в истории страны действующий президент лично находился при армии, выступившей в поход.

Документ: прокламации августа–сентября 1794 года, отчёты похода.

Теперь взвесим повод на весах обеих глав. Не вторжение. Не мятеж штата против Союза. Не защита границы. Западные фермеры отказались платить налог, кормящий долг, — то есть отказались признавать подпись казны делом. На языке старого мира это имеет точное имя: они отказали власти

в признании — как отказывали города отлучённому королю. И ответ последовал тот же, что в старом мире, только скорый: признание принудили.

Против кого поход? Против фермеров-должников, среди которых немало ветеранов, — того же людского слоя, что поднимался у Шейса. Разница между 1787 и 1794 годами — ровно одна, и мы её предсказали в первой главе. При Шейсе прийти было некому — и купцы нанимали армию сами. Теперь есть кому.

Восстание рассыпалось без сражения: против тринадцати тысяч никто не вышел. Арестованных судили; двоих приговорили к смерти за измену — и президент их помиловал. Сдавшемуся — почёт: механизм из первого перечня, исполненный буквально.

Итог главы

Сложим — и сложим на вопрос книги, а вопрос книги один: кто признаёт президента?

Гипотеза отвечает: никто, кроме избирателя; инстанция признания упразднена вместе с короной. Глава проверила ответ по первым движениям нового устройства — и вот что нашла.

Инстанция не упразднена. Она сменила форму собственности.

Старый мир держал признание в одних руках: одно помазание, один престол, товар штучный. Новый — раздробил признание на доли и распродал по подписке: четыре пятых частным лицам, доля — четыреста долларов, оплата — тем самым долгом, который скупили у солдат. Признание стало ежедневным: его курс печатают газеты. Его попытались отозвать — паника девяносто второго — и казна отбила отзыв скупкой. В нём отказали западные графства — и признание принудили походом в тринадцать тысяч штыков.

Голосование, ужин, устав, скупка, поход — пять актов, один субъект.

Первым, кого признала новая власть, и первым, кто признал её — деньгами, — был не избиратель, которого как всеобщей фигуры ещё нет. Держатель бумаги.

Вексель, выписанный солдату, был предъявлен не солда-

том. А признание, которое республика обещала упразднить, было не упразднено — распродано по долям.

Второе расхождение с гипотезой, глубже первого: книга искала, существует ли инстанция признания, — и в первое же десятилетие нашла её работающей ежедневно, без адреса, без обряда и без единой головы, которую можно отрубить.

Документ — каждое звено. **Реконструкция** — сумма.

И запомним сам приём, потому что у него долгая жизнь: обещание перед многими стало собственностью немногих — через паузу между раздачей бумаги и объявлением её настоящей цены. Кто управлял паузой, тот и собрал. Читатель увидит в Заключении, что у этого приёма есть повторения на других континентах и в другом веке.

РИМ В ЭТОТ МОМЕНТ

Сверяем часы — и в это пятилетие они быют так, что слышно через океан.

Пий VI, шестнадцатый год обороны. Летом 1790 года Учредительное собрание революционной Франции принимает Гражданское устройство духовенства — закон, по которому церковь Франции перестраивается государственным порядком: епископов отныне избирают на местах, как чиновников; жалованье им платит казна; юрисдикция Рима сведена к письму вежливости — новоизбранный епископ лишь уведомляет папу о своём избрании. Старшая дочь церкви делает с назначениями то, на что Иосиф II не решился: не перехватывает их — упраздняет сам римский порядок назначения.

В ноябре — присяга: всякий священник и епископ клянётся в верности этому устройству или теряет кафедру и хлеб. Церковь Франции разваливается на присягнувшую и неприсягнувшую.

Рим молчит восемь месяцев. Лишь в марте 1791 года выходит бреве *Quod aliquantum* — бреве, поясним, это папское послание короче и быстрее буллы: устройство осуждено, присяга объявлена ничтожной; в апреле — второе бреве, *Charitas*, с угрозой запрещения присягнувшим.

Документ: тексты обоих бреве.

Восемь месяцев на ответ о разрыве со старшей дочерью — запомним цифру. В первой книге цикла мы мерили, за какой срок система изготавливает из потрясения новый инструмент. Здесь начинаем мерить другое — срок ответа: сколько времени инстанции нужно, чтобы отозваться на удар. Ответают медленно, когда отвечать нечем.

Дальше — обвал, знакомый читателю «Старшей дочери» по другой стороне: сентябрь 1792-го — парижские тюремные бои, где среди сотен убитых десятки неприсягнувших священников и три епископа; январь 1793-го — на площади Революции падает голова Людовика XVI, помазанника. Помазание, тысячу лет служившее подписью инстанции на короле, впервые публично отменено ножом — при полном бессилии подписавшего.

А за океаном в те же месяцы — тишина и стройка. В августе 1790 года посвящён во епископы Джон Кэрролл — тот самый, из первой главы. Место посвящения стоит отдельного абзаца: замок Лалворт в Англии, частная капелла католического помещика Уэлда. Почему не собор? Потому что в самой Англии католическая иерархия ещё вне закона: со времён Реформации публичное католическое богослужение под запретом, епископов-католиков в стране официально нет — и первого епископа Соединённых Штатов рукополагают, по сути, на нелегальном положении, в домовой церкви терпимого богача. Первая кафедра республики освящена в подполье старой империи.

Документ.

Теперь положим двух проверяющих рядом — старого и новорождённого, — и десятилетие прочтётся насквозь.

Старый — един, свят и имеет адрес. Признание он выдаёт из одних рук, и потому его можно взять за горло: захвати назначения — и кафедры твои; заставь присягать — и клир твой; отруби голову помазаннику — и помазание кончилось. Всё это Франция и проделала, по пунктам, за три года — потому что у единого проверяющего есть что захватывать и что рубить.

Новый — безымян, продажен и вездесущ. Признание раздроблено между тысячами держателей и пересчитывается ежедневно; у него нет ни назначений, которые можно перехватить, ни присяги, которую можно навязать, ни головы, которую можно отрубить. Его нельзя казнить на площади — можно лишь продать или купить.

В том же трёхлети, когда старого проверяющего во Франции разбирали по частям, новый в Америке пережил первую попытку отзыва — панику девяносто второго — и вышел из неё окрепшим.

Одно десятилетие, две республики, два обращения с признанием. Одна казнила проверяющего — и через считанные годы, читатель «Старшей дочери» знает, приползла за новым помазанием к тому же Риму. Другая проверяющего распродала по долям — и больше никогда ни к кому не приползала. Кто из двух поступил с признанием страшнее — вопрос,

который эта книга ещё задаст.

И заметка впрок, которую следствие обязано оставить здесь же. Инстанция, теряющая средства принуждения, не уходит с поля — она меняет способ действия. У обороняющегося остаётся то, чего не отнять ни законом, ни гильотиной: слово, школа, печать. Со следующей главы мы откроем этому счёт — отдельной строкой в этой рубрике: что Рим строит в поле мнения. Забегая на полвека вперёд, скажем лишь: строить он будет школы и типографии — и первым делом вернёт себе учителей.

Граница метода прежняя: участия Рима в американских платежах 1790-х нет ни в одном документе — и его нет в этой главе. Есть два календаря, положенные рядом. **Документ** — на каждый; молчание — на связь.

Показания Матрицы

Имя Пий — осада; проверяем на шестнадцатом году.

Оборона без единой вылазки: на Гражданское устройство — восемь месяцев молчания и два бреве; на сентябрьские бойни — слова; на казнь помазанника — траур. Ни отлучения Франции, ни интердикта — запрета богослужений, которым прежние века ставили королевства на колени, — ни призыва к державам: наружу старый набор средств не пущен ни разу, а внутрь пущен — угроза запрещения присягнувшим в бреве Charitas. Код исполняется с точностью, которая уже не радует следователя, а тревожит: обороняющийся не выходит из стен, даже когда стены горят.

Ячейка В, конфигурация власти. Исполнитель кода: Н.

Соединённых Штатов в Матрице по-прежнему нет. Система имён продолжает не видеть Америку. Теперь мы понимаем, что именно она не видит: за океаном родился соперничающий способ выдавать признание — и старая система не опознала в нём соперника, потому что искала престол, а там была биржа.

Что стало с участниками

Александр Гамильтон. Построил всё: фандирование, принятие долгов, банк, акциз, поход. Ушёл из казначейства в 1795 году небогатым человеком — тот, кто управлял устройством, не был тем, кто с него кормился, и следствие заносит эту деталь в его пользу. Убит в 1804 году на дуэли — действующим вице-президентом Соединённых Штатов Аароном Бэрром. Работу приняли; работника — нет. Механику этой дуэли — единственной в истории, где второе лицо государства застрелило создателя его финансовой системы, — мы отложим до главы о Бэрре: там ей место.

Джеймс Мэдисон. Проиграл различие со счётом тринадцать против тридцати шести; вошёл в сделку по столице. А четверть века спустя, будучи президентом, подписал устав второго Банка Соединённых Штатов — тот самый человек, который доказывал неконституционность первого. Противник учреждения, ставший его учредителем: система перерабатывает даже своих критиков — в собственных управляющих.

Уильям Дуэр. Англичанин из хорошей семьи, женатый на дочери генерала-аристократа; свой и в казначействе, где послужил помощником Гамильтона, и на бирже, где не служил никому. Первый из первых спекулянтов бумагами и правами на подписку, вождь скрипомании. В 1792 году его пирамида

рухнула и утянула за собой рынок — первая биржевая паника Америки; разъярённые вкладчики осаждали тюрьму, куда его посадили от греха. Умер в долговой тюрьме в 1799-м. Порядок действий читателю знаком по всем четырём книгам: разгонявшего волну топят волной, и системе его смерть удобнее его показаний.

Солдат Континентальной армии — без имени, ибо имя его в этой операции никого не интересовало. Продал обещание за долю. Увидел, как обещание стало номиналом, номинал — долей, доля — банком. И заплатил акциз со своего виски — на обслуживание бумаги, которую когда-то продал. В старом мире он хотя бы знал, кто его помазанника признаёт. В новом он сам, не ведая того, продал за долю номинала свой голос в признании — раньше, чем получил право голоса в выборах.

Перечень механизмов

Пересчитываем и заносим.

Шестой. Скупка обещания до превращения. Обязательство перед многими превращается в собственность немногих через паузу между раздачей бумаги и объявлением её цены; кто управляет паузой, тот собирает. Поймано: сертификаты 1783–1790 годов; голосование двадцать второго февраля 1790 года. Современная форма — к заполнению в Заключении.

Седьмой. Право за землю, американское повторение. Порядок казны куплен ценой столицы; выбравший порядок выбрал власть. Поймано: сделка лета 1790 года; закон о резиденции и закон о фандировании.

Восьмой. Обмен долга на собственность. Бумага долга принимается в оплату собственности на учреждение, через которое государство ведёт платежи: кредитор становится совладельцем взыскателя. Поймано: устав Банка, условия подписки 1791 года.

Девятый. Признание, проданное долями. Признание власти, прежде выдававшееся единой инстанцией разово и целиком, дробится на доли, продаётся по подписке и пересчитывается ежедневно ценой бумаги; безадресное, оно неуязвимо для захвата и ножа. Поймано: подписка четвёртого июля 1791 года; скупка 1792 года как отбитый отзыв при-

знания.

Десятый. Толкование как средство управляющего. Кто говорит от имени признания — тот расширяет полномочия; расширительное чтение рождено не судом, а казной; суд освятит его позже. Поймано: записки февраля 1791 года. Развёртка — глава пятая.

Одиннадцатый. Принуждение к признанию. Отказ платить налог, кормящий долг, есть отказ в признании — и карается как мятеж; первое силовое движение должности — именно оно. Поймано: поход 1794 года.

Одиннадцать. Перечень растёт.

И отсылка на будущее. Со следующей главы у этого перечня появится постоянный последний вопрос — короткий, в одну строку: чей инструмент? В чьих руках в этом разборе признание — у многих или уже у немногих. Здесь, в 1791 году, ответ ещё утешителен: признание раздроблено между тысячами рук, и в этой множественности — вся сила нового устройства. Запомним это состояние. Нам предстоит наблюдать, век за веком, как доли сходятся обратно.

Признание раздроблено и продано; устройство отбило первый отзыв и принудило первых отказников. Но у него остался вход, который не продаётся за деньги: раз в четыре года в должность вставляют живого человека. Кто и как отбирает его — глава третья.

Глава

Источники главы второй (в конец главы)

1. «Discrimination between Present and Original Holders of the Public Debt, [11 February] 1790», Papers of James Madison, vol. 13; Founders Online, Национальный архив США: founders.archives.gov/documents/Madison/01-13-02-0030

2. Речи Мэдисона 18 и 19 февраля 1790 г. — Papers of James Madison, vol. 13; Founders Online: founders.archives.gov/documents/Madison/01-13-02-0039 (18 февраля) и founders.archives.gov/documents/Madison/01-13-02-0040 (19 февраля)

3. Голосование 22 февраля 1790 г. (36 против 13) — редакторское примечание к речи 19 февраля, там же. Поимённый расклад — журнал Палаты представителей, «A Century of Lawmaking for a New Nation», Библиотека Конгресса: memory.loc.gov/ammem/amlaw/

4. «Return Jonathan Meigs to James Madison, 1 February 1792», Papers of James Madison, vol. 14; Founders Online: founders.archives.gov/documents/Madison/01-14-02-0186

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ФИЛЬТР

Две главы назад мы определили должность: адрес, по которому предъявляют вексель. Одну главу назад — нашли ин-

станцию признания: раздробленную на доли, пересчитываемую ежедневно ценой бумаги.

Но у этого устройства остался вход, который не продаётся на бирже: раз в четыре года в должность вставляют живого человека. И гипотеза держит здесь свой последний рубеж первого десятилетия: пусть долг, пусть кредиторы — но президента-то выбирает народ. Урна и есть признание.

Проверим это там, где механизм проектировали. У нас есть протокол того собрания — с оговорками, о которых скажем, — и читать мы его будем не как историю Соединённых Штатов. Историю Конвента пусть пишут другие. Нас интересует одно: там проектировали не способ выбора. Там проектировали способ признания — и протокол сохранил страхи собрания полнее, чем его мудрость.

Но что значит «настоящий» — для самого собрания? У него был критерий, и он рассыпан по всем прениям того лета: настоящий — это тот, кому подчинится армия; тот, чью подпись примут кредиторы; тот, чьи требования исполняют штаты. Сила, кредит, сбор — три проверки подлинности, и заметьте: ни одна из трёх не спрашивает о народной любви. Искали не любимого. Искали признанного — и весь вопрос был в том, чьё признание не стыдно предъявить миру и не опасно предъявить себе.

Витербо, или как рождается решение

Чтобы увидеть, что произошло в Филадельфии, надо сначала съездить в Витербо — городок в папских владениях к северу от Рима.

Тысяча двести шестьдесят восьмой год: умирает папа Климент IV, и восемнадцать кардиналов съезжаются в Витербо выбирать преемника. И не могут. Месяц за месяцем. Французская партия против итальянской; за каждым кардиналом — короли, роды, деньги; всякий тур упирается в тот же тупик. Проходит год. Второй. Кардиналы живут в епископском дворце на всём готовом, переписываются с дворами, интригуют — и не выбирают, потому что тупик всем удобнее чужой победы.

На третий год терпение лопается — не у церкви, у города. Капитан Витербо Раньеро Гатти с горожанами делает то, чего не смела ни одна корона: кардиналов запирают во дворце. Буквально: двери на ключ, выход закрыт. Не помогает. Тогда им урезают стол — сперва до двух блюд, потом, по свидетельствам, до хлеба и воды. Не помогает. Тогда горожане разбирают крышу над залом — и князья церкви заседают под дождём и ночным холодом. Рассказывают, будто кто-то из кардиналов мрачно шутил, что крышу сняли, дабы Духу

Святому было легче спуститься.

Документ — запираение, урезанный стол и снятая крыша по хроникам. **Косвенное свидетельство** — сама шутка.

Под снятой крышей дело пошло. Кардиналы передали выбор комиссии из шести — и та в считанные дни назвала имя. Григорий X. Всего выборы заняли тридцать три месяца — самые долгие в истории церкви; решение же, когда его наконец приняли, заняло у комиссии дни.

Новый папа сделал из собственного избрания вывод инженера: если решение рождается только из запираения и измора — вписать запираение и измор в устав. Конституция *Ubi periculum*, 1274 год: кардиналы отныне заседают взаперти, *cum clave* — «под ключом», отсюда слово конклав; через три дня без результата стол урезается до одного блюда; ещё через пять — хлеб, вино и вода. Голод по регламенту.

Церковь не устыдилась витербской осады — она поставила её на поток, потому что осада работала.

Документ: текст конституции.

Запомним из Витербо три вещи, они нам сейчас понадобятся. Первое: закрытое собрание о власти само не решает — его доводят до решения тайной, запираением и измором. Второе: решение в итоге выносит не собрание, а малая комиссия, которой измученное собрание сдаёт вопрос. Третье: миру объявляют не «мы истощились и сдали вопрос шестерым» — миру объявляют «избрал Дух Святой».

Теперь едем в Филадельфию — и смотрим на неё витерб-

скими глазами.

Закрытое собрание

Филадельфия, май 1787 года. Стейт-хаус — то самое здание, где одиннадцать лет назад подписывали Декларацию независимости; потом его назовут Индепенденс-холлом. Съезжаются пятьдесят пять делегатов от двенадцати штатов — Род-Айленд, самый строптивый, не прислал никого. Формальный мандат — поправить Статьи Конфедерации, те самые, при которых восемь лет не было исполнительной власти. Поправлять их не станут: похоронят и напишут новое.

Первые же решения Конвента — о самом Конвенте. Правило секретности: ничего из происходящего не выходит наружу — ни в печать, ни в письма, ни в разговоры, — и молчание это делегаты пронесут десятилетиями. Окна закрыты всё лето, а лето выдалось из злых: жара, духота, мухи; окна держат затворёнными не от мух — от ушей. У дверей — часовые.

Документ: правила процедуры, май 1787 года.

Одна сцена из-за этих закрытых окон стоит трактата. Кто-то из делегатов обронил в зале листок с конспектом прений. Листок нашли и передали председателю — Вашингтону. Тот, по воспоминаниям, дождался конца заседания, встал и произнёс короткую отповедь: он вынужден напомнить о секретности; вот бумага, пусть владелец подойдёт и

заберёт. Бросил листок на стол и вышел. Никто не подошёл — ни тогда, ни после.

Косвенное свидетельство: сцена известна из позднейших воспоминаний, прямого протокола ей нет; но она согласуется с задокументированным нравом этого собрания.

Люди, писавшие конструкцию народной власти, боялись быть узванными в собственных словах.

И вторая мера того же молчания, уже строго документальная: за четыре месяца прений председатель — самый знаменитый человек континента, будущий первый глава проектируемой должности — вступил в обсуждение по существу один раз, в последний день, по второстепенному вопросу. Так и записано рукой Мэдисона: это был единственный случай. Человек, под которого кроили должность, просидел всё лето над кройкой молча.

Но молчал он не всегда, и одно исключение стоит всего лета.

Двадцать шестого июля Конвент голосует по резолюции об исполнительной власти: единоличный глава, избираемый национальным законодательным собранием, на семь лет, без права быть избранным вторично. Виргиния разделилась, и потому Мэдисон записывает её голоса поимённо: «Виргиния разделена: мистер Блэр и полковник Мейсон — за. Генерал Вашингтон и мистер Мэдисон — против. Мистер Рэндольф случайно отсутствовал в зале».

Документ: конспект Мэдисона за двадцать шестое июля

1787 года.

Вашингтон проголосовал. Молча, не сказав ни слова в прениях, — против схемы, при которой главу ставит Конгресс и переизбрание запрещено. То есть против зависимости должности от законодателей и против её однократности. Запомните это, потому что через полтора месяца комитет одиннадцати вынесет прямо противоположное: главу ставят не Конгресс, а выборщики, и переизбираться можно неограниченно. Заказчик не произнёс ни слова — и получил ровно ту конструкцию, за которую подал голос.

Теперь прикладываем витебскую мерку — деталь к детали.

Тайна — есть: правило секретности, часовые, закрытые окна. Запирание — есть, только замок не железный, а общественный: делегат, покинувший Конвент, покидает и стол, за которым делят будущую власть, — уехавшие, а таких за лето набралось немало, из чертежа выпали. Измор — есть, и какой: четыре месяца филадельфийского пекла в шерстяных сюртуках при закрытых окнах; Франклина вносят в портшезе; к августу зал вымотан так, что прения глохнут. Малая комиссия — будет, мы к ней идём. И формула для мира — будет: не «мы истощились и сдали вопрос одиннадцати», а «так постановил народ».

Я не утверждаю, что кто-то в Филадельфии читал *Ubi periculum*, — этого нет в документах, и в этой книге этого не будет. Я утверждаю то, что документы показывают сами:

два закрытых собрания, разделённые пятью веками и океаном, решая один вопрос — как закрытому собранию породить власть, — сошлись к одной механике до последней детали, включая малую комиссию и имя невидимки, на которого записывают решение. Там — Дух. Здесь — Народ.

Документ — обе механики. **Реконструкция** — сопоставление.

Когда одна и та же форма вырастает дважды независимо — это не совпадение и не заимствование. Это закон формы: так, и только так, закрытые собрания рожают власть.

А протокол?

Протокол вела не канцелярия — его вёл частным порядком делегат Мэдисон, для себя, и запретил публиковать, пока жив хоть один участник. Последним участником оказался он сам. Конспекты вышли в 1840 году — через пятьдесят три года после того лета; известно, что в старости автор их правил, и о масштабе правок историки спорят по сей день.

Документ — сроки. **Косвенное свидетельство** — масштаб правок.

Заметим без нажима: народ, от имени которого написана первая строка документа, ждал стенограмму своего учреждения дольше, чем живёт поколение.

Для нашего следствия это не помеха. Это первое показание.

Кого потом назовут отцами

Прежде чем слушать прения, опишем состав — как описывают состав любого конклава.

Пятьдесят пять мужчин. Средний возраст — около сорока трёх; Франклину восемьдесят один, и его носят в портшезе; Гамильтону тридцать; Мэдисону тридцать шесть. Юристы и плантаторы составляют подавляющее большинство; двадцать пять человек — рабовладельцы.

И одна черта состава, которую читатель второй главы обязан узнать: заметная часть зала — держатели тех самых бумаг государственного долга, судьбу которых через три года решит первый Конгресс. Сколько именно и на какие суммы — вопрос, вокруг которого столетие идёт спор историков: утверждение о своекорыстии Конвента выдвигали и опровергали, оценки долей расходятся. Сам факт держания — **документ**; масштаб — **косвенное свидетельство**.

Собрание, кроившее устройство сбора, во множестве держало его будущие векселя. Это не обвинение — это опись.

И один вопрос, который Конвент решил в тот же день, двадцать шестого июля, — вопрос, чьё значение станет ясно только во второй главе этой книги. Мейсон внёс предложение: требовать от членов законодательного собрания имущественного ценза и гражданства — и отстранить от него лиц, имеющих неурегулированные счёты с Соединёнными Шта-

тами или состоящих у них в долгу. Довод его прост: люди такого рода уже пробирались в легислатуры штатов, чтобы проводить законы, укрывающие их собственные недоимки.

Против встал Гувернёр Моррис, и его возражение надо привести целиком, потому что оно описывает вполне конкретных людей: «Что будет сделано с теми патриотическими гражданами, которые ссудили своей стране деньги, или услуги, или имущество, не сумев доселе добиться погашения своих требований? Должны ли они быть исключены?»

Голосование по вычёркиванию слов «лица, имеющие неурегулированные счёты с Соединёнными Штатами»: девять штатов за вычёркивание, два против. Голосование по оставшейся части — об отстранении должников казны: два штата за, девять против. Отклонено.

Документ: конспект Мэдисона за двадцать шестое июля 1787 года.

Прочтите это, помня, кто такие «граждане, ссудившие стране услуги без погашения требований». Это держатели солдатских сертификатов — той самой бумаги, которую в 1790 году будут скупать по стране агенты с наличными и судьбу которой решит голосование тринадцать против тридцати шести. Конвент прямо рассматривал запрет на участие кредиторов и должников казны в законодательном собрании — и отверг его девятью голосами против двух. Не забыл, не проглядел: обсудил, выслушал довод в пользу кредиторов и вычеркнул запрет своей рукой. Три года спустя тот же круг

решит, платить ли по этой бумаге номинал.

Кого в зале нет — не менее важно. Нет Джефферсона и Адамса — оба послами в Европе: авторы Декларации не писали Конституцию, и для большинства читателей это новость. Нет Патрика Генри — трибуна Революции, человека «дайте мне свободу или дайте мне смерть»: его звали, он отказался, а слова, будто он почуял крысу, известны по пересказам. Отказ — **документ**, сама формула — **косвенное свидетельство**. Люди 1776 года и люди 1787-го — заметно разные списки.

А теперь — слово, которым мы дважды в этой книге называли этих людей и которое обязаны вскрыть, прежде чем употребить в третий раз.

«Отцы-основатели». В церковном языке «отцы» — авторитет, на который ссылаются вместо довода: отцы Церкви. Так вот: людям в этом зале никто при жизни такого титула не давал. Словосочетание «Founding Fathers» отчеканил сенатор Уоррен Гардинг — в партийных речах 1910-х годов, а затем со ступеней Капитолия, в собственной инаугурации.

Документ: авторство и эпоха.

Сто с лишним лет страна жила без этого титула; потом его изготовили — и надели задним числом. Кто именно изготовил — запомним: сенатор эпохи трестов, будущий президент, современник событий 1913 года, к которым эта книга придёт в главе восьмой.

И работает титул выборочно, как всякий канон: Гамиль-

тон — отец; а Мейсон, без которого не было бы Билля о правах, — на периферии почитаемых, ибо не подписал; Генри — герой Революции, но из отцов выпал, ибо воевал против Конституции. Канон отбирает не по вкладу — по верности итоговому документу. Отцом становится подписавший. Читатель цикла узнаёт устройство без подсказки: так и кардинал истории — тот, кто вошёл в итоговое единогласие.

Десятки ответов на один вопрос

Ни один вопрос того лета Конвент не мучил так, как способ поставления главы исполнительной власти. По подсчётам исследователей, он ставился на голосование несколько десятков раз — счёт у разных авторов расходится, и мы даём порядок величины, а не цифру.

Документ: порядок величины.

Десятки заходов на один вопрос — это не поиск лучшего способа выбора. Это десятки ответов на вопрос, который зал себе прямо не задавал, но решал каждым голосованием: чьё признание сделает президента настоящим?

И смотрите, как ложатся отвергнутые варианты, если читать их глазами нашего следствия. Конгресс избирает — признающий назван: президент будет созданием законодателей. Губернаторы штатов — признающий назван. Легислатуры штатов — назван. Народ напрямую — назван. Каждый отвергнутый вариант отвергнут за одно и то же: он называл признающего по имени, а названный признающий — это хозяин.

Конвент искал конструкцию, в которой признание есть, а признающего указать нельзя.

Народное избрание — то самое, на котором стоит гипотеза этой книги, — вносилось всерьёз, людьми первой величины: Джеймсом Уилсоном из Пенсильвании, шотланд-

цем-правоведом, одним из самых глубоких умов зала, и Губернёром Моррисом. И дважды было сокрушено: при одном штате «за» и девяти «против» в одном заходе, при двух «за» и восьми «против» в другом.

Документ: конспекты Мэдисона.

Доводы победителей сохранились дословно, и вот они — протокол страхов Конвента, рукой Мэдисона.

Элбридж Герри из Массачусетса: народ недостаточно осведомлён о характерах и «подвержен обманам»; народ не введён в заблуждение сам — его введут «несколько расчётливых людей, действующих согласованно».

Джордж Мейсон из Виргинии, семнадцатого июля: отдать выбор главного магистрата народу так же противоестественно, как поручить распознавание цветов слепому; протяжённость страны делает невозможным, чтобы народ имел нужную способность судить о притязаниях кандидатов. Он же двадцать шестого июля, формула, которую надо высечь: предлагается, чтобы акт, который должны совершать знающие более всех о выдающихся людях и их качествах, совершали знающие менее всех.

Роджер Шерман из Коннектикута: народ никогда не будет достаточно осведомлён.

Документ: конспекты Мэдисона за семнадцатое и двадцать шестое июля 1787 года.

И здесь следствие обязано сказать то, что отличает его от памфлета: в диагнозе Конвент был прав. Довод Мейсона

— не барская спесь, а техническая правда: выбор главы власти требует знания людей и устройства, как сборка сложной машины требует инженера, — и пахарь из Джорджии знает о характерах кандидатов ровно столько, сколько судостроитель знает о его пашне: ничего, и не обязан. Народ не глупее Конвента — народ не на том рабочем месте, с которого виден предмет выбора. Это честный диагноз, и мы под ним подписываемся.

Но смотрите, что делает система с честным диагнозом, — вот где подмена. Из диагноза «народ выбирать не может» следовало честное решение: так и записать — выбирают знающие, по цензу знания, как выбирают лоцмана или хирурга. Конвент решил иначе: выбирать будут знающие — а написано будет, что выбирает народ. Диагноз спрятали, вывеску повесили. Не ценз есть работа системы — ценз есть у всякого ремесла. Работа системы — вывеска, отрицающая ценз. И держится эта вывеска, заметим, по сей день: ценз давно пал, а расстояние между урной и должностью — увидим ниже — осталось.

Теперь — находка, ради которой стоило поднимать протокол того июльского дня, и приведём её дословно, потому что каждое слово в ней весит.

Двадцать шестого июля Мейсон перечисляет все отвергнутые способы избрания — и о народном говорит так: «Народное избрание в любой форме, как заметил мистер Герри, бросило бы назначение в руки Цинциннати — общества, к

членам которого он питает большое уважение, но которому никогда не желал бы преобладающего влияния в правительстве».

Документ: конспект Мэдисона за двадцать шестое июля 1787 года.

Разберём по словам. Наблюдение принадлежит не Мейсону — он ссылается на Герри: значит, довод в зале не единственный, его повторяют. Формула жёстче любой нашей: не «повлияет», не «сманипулирует» — «бросило бы назначение в руки Цинциннати», то есть назначение президента фактически перешло бы к обществу офицеров. И оговорка, которая делает свидетельство неопровержимым: Мейсон питает к членам общества большое уважение. Он не разоблачает врагов. Он предупреждает о своих.

Читатель первой главы, остановись. Общество Цинциннати — наследственное общество офицеров из нашего первого перечня: третий механизм, «наследственность, спрятанная в общество», тринадцатое мая 1783 года, первый генерал-президент — Джордж Вашингтон. И вот, четыре года спустя, за закрытыми окнами, где этот самый Вашингтон молча председательствует, делегаты хоронят народное избрание президента — вслух называя его общество тем организованным меньшинством, которое украдёт народный голос.

Конвент знал о существовании спрятанной наследственности. Конвент боялся её настолько, что забрал урну у народа. И Конвент ни разу не предложил общество распустить.

Это **документ** такой пробы, какая следствию выпадает редко: страх, которым убили народное признание, задокументирован — и у страха имя из нашего же перечня. Не мы связали первую главу с третьей. Их связал Мейсон, вслух, при часовых у дверей.

Но у этой улики есть второе дно, и оно тяжелее первого. Мы подняли списки — и вот что в них.

Двадцать один делегат из пятидесяти пяти состоял в Обществе Цинциннати. Почти сорок человек из ста в том зале были членами наследственного общества, которого зал вслух боялся как будущего кукловода народа.

Документ: списки самого Общества.

Дальше. В мае 1787 года Общество Цинциннати проводило в Филадельфии своё общее собрание — съезд отделений всех штатов, назначенный ещё циркуляром октября 1786 года. В том же городе. В те же недели. Председателем Общества был Вашингтон — он отказался вести собрание Общества, потому что приехал вести Конвент; но пятнадцатого мая, по собственному дневнику, обедал с членами Общества, ещё заседавшими в городе. Александр Гамильтон подал свои полномочия делегата от Нью-Йорка на общее собрание Общества восемнадцатого мая — за неделю до открытия Конвента. Секретарём Конвента избрали майора Уильяма Джексона — тоже члена Общества, бывшего офицера штаба Вашингтона; выдвинул его Гамильтон.

Документ: дневник Вашингтона, протоколы Общества,

бумаги Гамильтона.

Сложим картину без единого домысла. Один город, один месяц. Два собрания: открытое для истории — Конвент, и закрытый съезд наследственного общества. Двадцать один человек заседает в обоих. Председатель Конвента — глава Общества. Секретарь Конвента — член Общества. А двадцать шестого июля в зале Конвента произносятся: народное избрание опасно, ибо народом сможет управлять общество — такое, как Цинциннати.

Что мы утверждаем: совпадение города, месяца и людей — **документ**, всё по бумагам. Чего мы не утверждаем и не станем: что Общество принимало решения за Конвент; протокола такого не существует, и выдумывать его мы не будем.

Но следствие обязано занести в дело то, что видит: собрание, боявшееся организованного меньшинства, на две пятых состояло из этого меньшинства — и, боясь, не предложило его распустить. Страх был искренним, и в этом вся соль: боялись не чужих. Боялись того, что умеют сами.

Перебрали всё — вплоть до лотереи. Мейсон в том же перечне двадцать шестого июля отмахивается от неё с сухостью, которая говорит больше самого предложения: «Среди прочих средств была введена лотерея. Но так как билеты, по-видимому, не пользуются большим спросом, она, вероятно, не будет разыграна, и потому об этом предмете нечего сказать».

Документ: конспект за двадцать шестое июля 1787 года.

Конвент готов был обсуждать жребий — но не названного признающего.

Временное решение

Развязка антигероична, и в этом её честность.

Через год после того лета, четвёртого июля 1788-го, Филадельфия праздновала ратификацию Большой федеральной процессией, и сердцем шествия был корабль — настоящий, полностью оснащённый, с мачтами, экипажем и пушками, поставленный на колёса и провезённый по улицам: «Союз», корабль государства.

Документ: описания процессии.

Город сам сказал, что построил Конвент. Четыре месяца строили корпус — и к августу обнаружили, что в нём пустое место: механизма, которым ставят главу, нет, а силы кончились. Срок объявлен; переделывать некогда.

Конец августа. Четвёртый месяц взаперти. Вопрос о поставлении президента — в куче нерешённых, при рабочей схеме «выбирает Конгресс», которая не нравится уже никому. И Конвент делает то, что сделало витебское собрание на тридцать третьем месяце: сдаёт вопрос малой комиссии.

Комитет одиннадцати — по одному человеку от штата. Четвёртого сентября он выносит схему, которой суждено пережить века: каждый штат назначает выборщиков — числом «сенаторы плюс представители»; как назначать — решает легислатура штата, и о праве гражданина голосовать во всей конструкции не сказано ни единого слова; выборщики голо-

суют каждый в своём штате, не съезжаясь, — чтобы негде было сговориться: страх сговора вшит прямо в чертёж; голова свозят в столицу и вскрывают; нет большинства — выбирает Палата, голосуя по штатам.

Документ: доклад комитета, четвёртое сентября 1787 года.

Семнадцатого сентября — подписание. От доклада комитета до подписания — тринадцать дней.

Вопрос, который мучили дольше и жарче всех — десятки заходов за четыре месяца, — решён комитетом, в последнюю очередь, за две недели, на пороге всеобщей усталости. В Витербо решала шестёрка под снятой крышей; в Филадельфии — одиннадцать при закрытых окнах. Устройство то же: истощённое собрание не решает — оно сдаёт.

И решение вырезали за считанные дни из обломков отвергнутых вариантов: выборщики — идея, всплывавшая ещё в июне и отклонённая; назначение legislatures — кусок отклонённой схемы; финал в Палате — остаток «конгрессовского» варианта. Ничего нового — сборка из отходов, лишь бы держало к сроку.

Устройство запустили в 1789-м. Гамильтон в «Федералисте» номер шестьдесят восемь — агитационном цикле, где конструкцию продавали публике, — писал о схеме выборщиков: если она и не совершенна, то по меньшей мере превосходна.

А на четвёртом запуске — выборы 1800 года — времен-

ное решение не выдержало: ничья, интрига, тридцать шесть туров голосования в Палате. Механизм перебрали в 1804 году Двенадцатой поправкой. Пятнадцатый год службы — первый отказ.

И сам Гамильтон переменял приговор. Двадцать девятого января 1802 года он пишет для законодательного собрания Нью-Йорка проект резолюции о поправках к Конституции: выборщиков избирать по округам, прямым голосованием граждан, а голоса за президента и вице-президента подавать отдельно, прямо указывая, кто за кого. А пять недель спустя, четвёртого марта, объясняет свою позицию Губернёру Моррису в частном письме — и объясняет так: люди вправе знать, кого они выбирают, а нынешний порядок даёт полный простор интриге и, как все уже видели, опасен для общественного спокойствия.

Четырнадцать лет спустя после «если и не совершенна, то по меньшей мере превосходна» — тот же человек, о той же схеме: полный простор интриге и опасность для спокойствия страны.

Документ: проект резолюции для законодательного собрания Нью-Йорка, двадцать девятое января 1802 года; письмо Гамильтона Губернёру Моррису, четвёртое марта 1802 года; кризис 1800 года и Двенадцатая поправка.

А само решение — подлатанное поправками — стоит по сей день: конструкцию меняли, механизм чинили, его не вынимали ни разу.

Запомните эту последовательность — превозносили, дало сбой, подлатали, — потому что дальше произойдёт то, что важнее всей последовательности: временное решение канонизируют. То, что принято от усталости комитетом одиннадцати, потомки объявят боговдохновенной мудростью отцов — тем самым титулом чеканки 1910-х.

И вот тут стоит выслушать человека, который в том зале сидел и всё записывал. Двадцать третьего августа 1823 года Мэдисон отвечает Джорджу Хэю — тот прислал ему газетные статьи о пороках действующего способа избрания президента и о средстве против них. Мэдисон пишет: трудность подыскать безупречный порядок назначения исполнительного органа такого государства, как Соединённые Штаты, Конвент чувствовал глубоко, — а поскольку окончательное решение принималось на поздней стадии сессии, оно не было свободно от спешки, порождённой усталостью и нетерпением, какие бывают во всяком подобном собрании; хотя, оговаривается он, в меньшей степени, чем обычно в таких собраниях бывает. Тридцать шесть лет спустя, отцу Конституции, сохранившему единственный протокол, — и он не защищает решение как мудрое, он объясняет его усталостью и спешкой.

Документ: письмо Джеймса Мэдисона Джорджу Хэю, двадцать третье августа 1823 года.

Составителей произвели в отцы — и временная мера стала святыней, на которую нельзя поднять руку. Двести сорок

лет спустя она стоит там же, куда её поставили тринадцатидневным усилием. А оба её главных автора при жизни успели сказать о ней иначе, чем говорят их почитатели.

Что опускают в урну

Прежде чем разбирать урну, скажем прямо то, чего не говорит школа, — многие читатели услышат это впервые.

Президента Соединённых Штатов избирают не граждане. Юридически его избирают выборщики — сегодня их пятьсот тридцать восемь: в декабре високосного года они собираются в столицах своих штатов, подают голоса, и тот, кто получил большинство этих голосов, становится президентом. Точка; так по букве Конституции с 1789 года по сей день.

Всё, что происходит в ноябре, — очереди, бюллетени, карта из красных и синих штатов на экране, — юридически есть лишь способ, которым штаты назначают этих пятьсот тридцать восемь. Гражданин не голосует за президента; гражданин участвует в назначении тех, кто проголосует. Ноябрь — не выборы. Ноябрь — набор выборщиков; выборы — в декабре, при пустых площадях, и телекамер там нет.

Теперь разберём урну юридически, по чертежу, без гнева — три звена.

Первое. В бюллетене может стоять имя кандидата — но юридически отметка ставится за список выборщиков, составленный партией; в большинстве штатов имена этих выборщиков в бюллетене даже не напечатаны. Гражданин выбирает не президента — он выбирает неизвестных ему людей, обещавших выбрать президента. **Документ.**

Второе. Само право ставить эту отметку — не его. Статья вторая отдаёт назначение выборщиков легислатуре штата, «таким образом, каким она постановит», — и легислатуры первых десятилетий сплошь и рядом назначали выборщиков сами, без всякого народного голосования: в 1800 году так поступало большинство штатов; Южная Каролина не допускала народ к выбору выборщиков до 1860-х. Всенародное голосование за выборщиков — не право из Конституции, а обычай, дарованный легислатурами, и то, что даровано, юридически может быть отозвано. **Документ.**

Третье. И даже поставленная отметка двести лет не была приказом. Выборщик, избранный по партийному списку, юридически мог проголосовать за кого угодно — таких называли неверными выборщиками, и за историю их набрались десятки; наказывать их штатам дозволил Верховный суд лишь в 2020 году — единогласно, что само по себе показательно: двести тридцать лет вопрос «обязан ли выборщик слушаться урны» оставался юридически открытым, и система не спешила его закрывать. **Документ** — решение суда и само правило; точный счёт неверных выборщиков — **косвенное свидетельство**, у разных исследователей он расходится.

Итак: гражданин опускает в урну голос за неизвестных, право голосовать даровано ему легислатурой как обычай, и двести лет этот голос был пожеланием, а не приказом.

Что же такое урна — фикция?

Нет — и здесь надо быть точным, потому что слово «фикция» дешежит находку. Фикция — это обман без назначения, пустое место. Урна — не пустое место: она действующий обряд признания, и назначение у неё огромное.

Вспомните старый мир: королём человека делало не целование креста подданными — королём его делало помазание и признание держателей условий; но целование креста было обязательным: обряд, в котором подданный телесно соучаствует во власти и тем связывает себя. Присягнувший — уже не зритель: он соучастник, и бунт его отныне — клятвопреступление.

Урна устроена так же. Юридически голос — прошение к выборщикам, которых назначила легислатура. По существу обряда — акт соучастия: опустивший бюллетень признал устройство, связал себя с исходом, и протест его отныне — мятеж против того, что он «сам выбрал».

Обряд не выбирает президента. Обряд набирает признающих — миллионами, каждые четыре года, добровольно.

Вот теперь конструкция Конвента видна целиком, и надо отдать ей должное — она совершенна.

Наверху — признание без признающего: выборщики растворяются, указать пальцем не на кого. Внизу — признающие без признания: миллионы соучастников обряда, чей голос юридически не приказ.

Спросишь «кто признал президента?» — ответ: народ, вон его миллионы у урн. Спросишь «где юридическая под-

пись народа?» — подписи нет: есть голоса за неизвестных, дарованные обычаем, двести лет не обязательные к исполнению.

Признание есть — признающего нет; признающие есть — признания нет. Подмена, пойманная за обе руки сразу.

Документ — каждое звено. **Реконструкция** — сумма.

Признание без признающего

Теперь соберём первую линию — ради неё писалась глава.

Что в итоге построил Конвент? Смотрите на конструкцию глазами вопроса «кто признал президента?».

Выборщики? Но они не орган: они собираются на один день, в разных столицах, не видя друг друга, подают голос — и растворяются навсегда; в большинстве штатов их имена даже не попадут в бюллетень. Легислатуры? Они лишь назначили назначающих. Народ? Народа в чертеже нет — слово «гражданин» в механизме отсутствует, а прямое избрание дважды сокрушено голосованием. Палата? Лишь запасной ход.

На вопрос «кто признал президента?» конструкция отвечает: никто, кого можно указать пальцем. Признание совершилось — признающий растворён.

И вот теперь витербская параллель перестаёт быть сравнением зданий и становится существом дела. Конклав решает ту же задачу тем же ходом: кардиналы, запертые и разъединённые с миром, подают голос — и разъезжаются; на вопрос «кто сделал этого человека папой?» церковь веками отвечает: не они — Дух Святой. Признающий растворён в инстанции, которую нельзя допросить.

Филадельфия построила то же самое, заменив одно слово: на вопрос «кто сделал этого человека президентом?» рес-

публика отвечает — народ. Не пятьдесят пять человек за закрытыми окнами; не легислатуры; не сотня-другая безымянных, проголосовавших порознь и растворившихся. Народ — инстанция, которую так же нельзя допросить, как Дух, и которая так же не оставляет подписи.

И последняя черта, без которой параллель была бы неполной, — читатель прежних книг цикла ждёт её по праву. Мы показывали там: конклав — представление; имя нередко известно до первого дыма, и запертые кардиналы разыгрывают неизвестность исхода, который предreshён за стенами. Так вот — здесь то же, и задокументировано дважды.

Первое. Конвент кроил полномочия не для отвлечённой должности — для человека, молча сидевшего в председательском кресле. Это не наша реконструкция: делегат Пирс Батлер написал после Конвента прямо — полномочия президента не были бы столь велики, если бы члены не устремляли взоры на генерала Вашингтона как на будущего президента. Должность шили по мерке, снятой с заказчика, при заказчике, не спрашивая заказчика вслух.

Документ: письмо Батлера.

Второе. Порядок поставления запустили — дважды, — когда исход был известен всей стране заранее. Тысяча семьсот восемьдесят девятый: шестьдесят девять выборщиков, все шестьдесят девять — за Вашингтона. Тысяча семьсот девяносто второй: сто тридцать два — все сто тридцать два. Единственные единоголосные выборы за два с половиной ве-

ка; ни соперника, ни кампании, ни сговора — того самого сговора, от которого гордили весь механизм.

Документ.

Взвесим. Механизм, рождённый в десятках голосований страха перед сговором, первые два раза сработал как чистая церемония: исход предreshён, разъединённые выборщики, не сговариваясь, назвали одно имя — потому что имя было названо до них и не ими. Обряд неизвестности при известном исходе — это и есть определение представления.

И заметим уже без иронии: с представления начинать пришлось неизбежно, ибо настоящий, непредreshённый запуск — 1796-й, а затем 1800-й — конструкцию немедленно едва не разорвал. Представление было не злоупотреблением, а обкаткой — как и в конклаве: единогласие показывают миру раньше, чем позволяют себе борьбу.

Читатель вправе остановить нас: не была ли эта церемонность случайностью старта — единогласием от безальтернативности, какое бывает у всякого молодого устройства? Вопрос принимаем как обязательство. В главах о девятнадцатом и двадцатом веке мы предъявим ряд: закрытое совещание в Капитолии, назначавшее кандидатов четверть века; прокуренный номер чикагского отеля, за ночь решивший съезд двадцатого года; отбор без стен наших дней, где решение живёт в списках жертвователей и на карте семи штатов. Тех, кто ставит эти собрания, мы будем называть по именам — они в протоколах, и мы покажем, отчего их так охотно

оставляют в протоколах. О тех же, кто переставляет сами собрания и упраздняет их по мере надобности, мы скажем иначе — повторяющимся порядком действий: не потому, что сомневаемся в направлении, а потому, что дорожим правилом следствия — имя ставится только под подписью, а в наших руках порядок действий. Его мы и предъявим; направление укажет сам переезд отбора — читатель увидит, куда он движется.

Третье расхождение с гипотезой, и оно глубже первых двух. Гипотеза утверждает: признаёт избиратель. Протокол Конвента показывает: избирателя как признающего отвергли голосованием, дважды, с разгромным счётом, под запись; конструкцию собрали так, чтобы признающего нельзя было назвать вовсе; а первые два запуска прошли при исходе, решённом до всякой урны.

Признание без признающего — это не упразднение инстанции, как обещает гипотеза. Это её совершенная форма: инстанция, у которой нет адреса, не может быть привлечена к ответу.

Во второй главе признание спрятали в цену бумаги. В третьей — признающего спрятали в слово «народ».

Документ — каждое звено. **Реконструкция** — сумма.

Чей инструмент?

Вторая линия — и здесь тот же Конвент даёт показание, которое дороже любой теории.

Положим рядом два решения одного класса, принятые в одном десятилетии, об одном товаре — признании власти.

Решение первое, 1791 год: признание деньгами пущено в свободную продажу. Четыре пятых капитала Банка — частная подписка; доля — четыреста долларов; покупает всякий, кто платит; купивший — поручитель власти и переголосовывает ежедневно, ценой. Ни ценза крови, ни ценза веры, ни разрешения легислатуры.

Решение второе, 1787 год: признание голосом заперто трижды. Ценз — собственность, пол, раса: у урны порядка шести человек из ста; сам ценз — **документ**, диапазон оценок — **косвенное свидетельство**. Легислатура — даже эти шестеро голосуют не за президента, а участвуют в назначении выборщиков, и само их право участвовать — отзываемый дар штата. Необязательность — голос двести лет юридически не приказ.

Один класс, один товар, два противоположных решения. Почему деньгам — свобода, голосу — замки?

Ответ в природе двух форм признания, и он важнее всей главы. Признание деньгами отбирает признающего само: четыреста долларов — встроенный ценз, безличный, необид-

ный, не требующий ни законов, ни часовых; неимущий не купит долю, и запрещать ему ничего не надо. Признание голосом встроенного отбора не имеет: голос батрака весит столько же, сколько голос банкира, — и потому его пришлось отбирать снаружи: цензом, легислатурой, выборщиками, необязательностью.

Отсюда правило на все века книги: система отпускает на свободу то признание, которое отбирает цена, — и держит под замком то, которое цена не отбирает.

Когда в двадцатом веке замки начнут снимать — ценз за цензом, поправка за поправкой, — следите не за замками. Следите за тем, что к тому времени будет решать сам голос: не перенесено ли решение туда, где по-прежнему отбирает цена. Это вопрос глав восьмой и тринадцатой, и реестр в приложении будет мерить его цифрами.

И горькая подпись под всей этой вывеской: окончательный текст Конституции стилистически выделял Гувернёр Моррис — комитет стиля отдал перо ему; преамбула с её первыми тремя словами — его рука. **Документ.** Тот самый Моррис, который вносил народное избрание — и проиграл. Вывеску «Мы, народ» писал человек, только что при закрытых окнах проигравший голосование о народе. Это не лицемерие одного литератора — это устройство вывески: парадная надпись сочинена проигравшей стороной по заказу выигравшей.

Второй шаг этой линии — судьба входа, оставленного без

хозяина. Конвент так боялся объединений, что растворил признающего; но бесхозное не остаётся бесхозным — его подбирают. И у подбора есть точная хроника; пройдем её шаг за шагом, потому что в ней рождается всё партийное устройство страны.

Слово «партия» в Конституции отсутствует. Мэдисон в десятом «Федералисте» пишет против «фракций» целый трактат; Вашингтон прощальным посланием 1796 года закликает беречься духа партий как злейшего врага. **Документ.** Таков чертёж. Теперь — жизнь.

Февраль 1791-го: спор о Банке — читатель был при нём во второй главе. Джефферсон и Гамильтон подают президенту два несовместимых чтения Конституции; побеждает сторона казны. Проигравший делает вывод не юридический — организационный: раз решает не право, а вес, надо собирать вес.

Май–июнь 1791-го: Джефферсон и Мэдисон отправляются в «ботаническую экспедицию» — так она названа в их письмах: вверх по Гудзону, смотреть природу и ловить рыбу. Маршрут ботаников пролегает через Нью-Йорк — и через дома людей, чьи имена скажут всё знающему: клан Ливингстонов, губернатор Клинтон, полковник Аарон Бэрр, только что отобравший сенатское место у тестя Гамильтона. Историки по сей день спорят, была ли рыбалка рыбалкой; письма о политике молчат. Поездка и встречи — **документ**; умысел — **косвенное свидетельство**. Но осенью того же года всходы взошли, и вот они.

Октябрь 1791-го: в Филадельфии выходит первый номер «Национальной газеты» Филипа Френо. Френо — поэт революции и однокашник Мэдисона; жалованье он получает в Госдепартаменте у Джефферсона — двести пятьдесят долларов в год как «переводчик с французского», единственный переводчик ведомства. Газета с первого номера бьёт по одной цели: система казначейства, Банк, «денежная аристократия». По другую сторону уже два года стоит «Газета Соединённых Штатов» Джона Фенно — рупор, обласканный казначейством и печатающий его заказы.

Документ.

Министр финансов и государственный секретарь одного правительства содержат — казённым ресурсом каждый — по газете, стреляющей в другого. Первые партийные средства влияния в Америке куплены не партиями, которых ещё нет: они куплены казной и её противниками, и партии соберутся вокруг газет, а не наоборот.

1792–1794: вокруг газет складываются имена — «федералисты» у казны, «республиканцы» у её противников; по стране всходят Демократическо-республиканские общества — клубы, которые Вашингтон публично обвинит в подстрекательстве виски-мятежа. 1795-й, договор Джея с Британией, докалывает страну надвое окончательно. 1796-й — первые в истории выборы, где порядок поставления обслуживают две организации; 1800-й — первая передача власти от одной организации к другой, та самая, что сорвала временное

решение. И с тех пор — двести с лишним лет, при всех сменах вывесок и эпох — ни одна третья сила ни разу не взяла должность. **Документ.**

Итог этого шага сформулируем бережно, но полностью. Отбор, который комитет оставил без названного хозяина, был подобран за пять лет — двумя организациями, родившимися из спора о том, кому принадлежит казна, и выросшими вокруг двух газет, оплаченных из казённых ведомств спорящих. Присвоение бесхозного отбора — партиями денег, через газеты. Запомните эту связку — отбор берут газетой: она нам встретится ещё не раз, и не только у партий. Хроника — **документ**, формула — **реконструкция**.

Работает ли отбор? У него есть выходной контроль, измеримый: пять раз за историю должность получал не тот, за кого подано больше голосов избирателей — 1824-й, когда выбор ушёл в Палату и госсекретарём стал тот, кто отдал свои голоса победителю; 1876-й, когда комиссия счётом восемь к семи отдала все спорные штаты одной стороне, а ценой стал вывод войск с Юга — должность в обмен на политику, право за землю в новой редакции; 1888-й; 2000-й, когда пересчёт остановил суд; 2016-й. **Документ** — все пять.

Формулу даём аккуратно, без партийной ноты, которая нашим линиям запрещена: в каждом из пяти случаев перевес получала сторона, сумевшая сосредоточить ресурс в решающей узкой точке — палате, комиссии, суде, распределении по штатам, — тогда как рассеянное по стране большин-

ство голосов оставалось рассеянным. Отбор систематически вознаграждает сосредоточение против распылённости.

Слабейший случай ряда назовём сами, раньше критика: 1888 год — там нет ни палаты, ни комиссии, ни суда, там сработал чистый географический перекося распределения по штатам; он ложится в правило шире прочих, и потому в основании механизма мы держим четыре случая, а восемьдесят восьмой — как пограничный.

А теперь вспомните вторую линию целиком: распылённость — чертёж буржуазии; сосредоточение — походка системы. Отбор, встроенный в 1787-м, двести лет платит премию сосредоточению.

Документ — случаи. **Реконструкция** — сумма; и в разделе «Как меня опровергнуть» эта сумма получит своё условие опровержения.

РИМ В ЭТОТ МОМЕНТ

Сверим часы. На собственном дворе у обороняющегося — Пистойя: тосканский синод 1786 года требует перестроить церковь снизу, отдав Риму лишь первенство чести; булла осуждения выйдет только в 1794-м — восемь лет на ответ; отзываются всё медленнее. **Документ.**

Но в этой главе нас интересует другое направление — американское, и на нём Рим в эти самые годы делает три хода, которые надо читать подряд, как читают три предложения одного письма. Мы обещали открыть счёт средств влияния — открываем; и первая запись ложится не туда, где мы ждали.

Ход первый, 1784 год: печатный лист. В Аннаполисе выходит «Обращение к римским католикам Соединённых Штатов» — сочинение Джона Кэрролла, первый католический текст, напечатанный в новой стране для новой страны. Это ответ на памфлет перебежчика, но читается он как объявление направления: американский католик — верный гражданин республики; вера его — дело совести, не подданства; свобода совести — благо, и католики ей рады. **Документ.**

Заметьте, чего в обращении нет: ни слова о правах Рима, ни тени притязания на власть. Направление задано с первого листа: не оспаривать — встраиваться.

Ход второй, 1789 год — год первой инаугурации и год буллы о Балтиморе: школа. На холме над Потомаком, в Джорджтауне — том самом посёлке у будущей столицы, — Кэрролл основывает академию: первое католическое учебное заведение страны, будущий Джорджтаунский университет.

Вчитаемся в последовательность, она красноречивее любых объявлений: собора у американской церкви ещё нет — балтиморский кафедрал заложат лишь через семнадцать лет; школу ставят раньше собора. И ставят её не в глубинке, где паства, — у порога строящейся столицы, где будет знать. С первых лет академия открыта и не католикам: протестантские семьи столичного круга повезут сюда сыновей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.